

Из дневника 1958 года

Р. Г. Назиров

Мы продолжаем совместную с интернет-проектом «Прожито» (prozhito.org) публикацию дневников Р. Г. Назирова.

1958 год

7 января 1958 года. Год начался тоскливо. Правда, рассказ в «Советской Башкирии» и рецензия на кинофильм в «Ленинце», но — праздник прошёл скучно, и я всё отчаянней, всё безысходней терзаюсь по женщине. По нереальной, несуществующей, фантастически доброй и умной. А в конце концов, придётся идти к проститутке.

Ну, ладно. До лета нужно написать ещё парочку рассказов. Летом, если смогу, съезжу в Ленинград и привезу впечатления. Будет выходить «Вечерняя Уфа». Есть решение ЦК, что вечерние газеты будут выходить во всех городах с полумиллионным населением. Есть шансы. Поглядим.

23 февраля 1958 года. Уфа. Вода и слякоть. Видимо, ранняя весна.

Подведём некоторый итог. Мысли и настроения.

Никита Сергеевич Хрущёв, видимо, твёрдо решил покончить с холодной войной. Если он этого добьётся, я стану его вернейшим сторонником. И наплевать мне на все шутки московских студентов и похабные анекдоты про Катюку Фурцеву! В конце концов, как всякий другой человек, Хрущёв имеет право на женщину. Он слишком любит произносить речи, но этот недостаток не так уж важен. Это он реабилитировал жертв тридцать седьмого года и переиздал книги расстрелянных писателей. Большое спасибо ему за это. Больше всего внимания он уделяет крестьянству — и правильно делает! Отсталое сельское хозяйство — это Ахиллесова пята Советского Союза. Освоение целины и запуск спутников запишем ему в заслугу. Изгнание Молотова в Монголию — быть может, это лучше. Дело в том, что, если бы эта дворцовая война продолжалась, престиж правительства пострадал бы ещё сильнее. Молотов на посту вождя был бы внушителен, но его внешняя политика, мне кажется, была бы продолжением сталинского жёсткого курса и великодержавной политики, которая провоцировала Запад на превентивную войну.

Добрый в расшитой сорочке, над которой так издеваются стилисты с улицы Горького, в конечном счёте приносит народу больше пользы, чем покойный гений человечества. При гении в такой неурожайный год, как 1957-ой, подышали бы целые губернии. При Хрущёве не подышают.

Покойный отец и учитель держал страну в железной узде. При Хрущёве тишь и гладь нарушилась, начались восстания. Почему? Потому что недовольные восприняли «слабину» пятьдесят шестого года как общее изменение режима и решили подтолкнуть в нужном им направлении. Ан нет, не вышло. Знаменитый секретный доклад на XX-м съезде и все реформы Хрущёва имеют целью усиление режима. Как видно, я ошибался, время диктатуры ещё не прошло. Или нет, нет: внутренняя потребность в диктатуре, если иметь в виду собственно Россию, уже отпадает, но для Кавказа, Прибалтики и для внешней политики диктатура по-прежнему необходима. Внешняя потребность диктатуры. В этом одно из трагических противоречий нашей эпохи. Об этом стоило бы написать.

Далее. Величайшим несчастьем является негибкая политика в области литературы и искусства. Конечно, после 1953 года писать стало легче. По мелочам избивать писателей никто больше не будет. Но вот крупной независимости Хрущёв не терпит. Я считаю, что Яшин и Гранин написали бесталанные, скверные, кислые рассказы. Они мне противны с точки зрения художественной. Но романом Владимира Дудинцева я восхищён. Это сильная, яркая книга. Своим скандальным успехом она обязана острой политической злободневности, это факт. Но всё же дыма без огня не бывает, книга написана интересно. Тем более странно, что её считают антикоммунистической. Никита молодец, он сказал, что в книге много сильных страниц, что Дудинцев будет писать. Это Хрущёв сделал очень умно.

Что касается самого Дудинцева, он заявил на читательской конференции студентам Ленинградского университета: «Ничего того, о чём вы говорите, я не хотел сказать в своей книге. Я сообщу обо всём этом, где следует».

Последняя фраза отвратительна. Сейчас Дудинцев взял командировку в журнале «Знамя» или «Октябрь». От него ждут что-нибудь, чтобы он написал.

В наших верхах уже выработана формула: «В 1957 году ЦК партии совместно с передовой писательской общественностью разгромили право-ревизионистское течение в советской литературе». Есть доля истины, но сильно преувеличено.

Итог: я не желаю бунтовать против сегодняшней власти. Я считаю, что Хрущёв хочет мира и нового экономического подъёма. Справится ли он, покажет будущее.

Я вступаю в Коммунистическую партию и буду поддерживать ЦК. На данном историческом этапе это единственно правильный путь. Все мои сомнения я оставляю при себе.

Если обгорают бумажный абажур на керосиновой лампе, рано кричать: «Пожар!».

Я не скептик и не хочу соблюдать в жизни издевательский нейтаритет. Я хочу работать и помогать тем, кто так же работает и так же страдает, как я. Я хочу работать и приносить людям пользу!

Но и тех, кто заблуждается, бунтует, поносит Никиту Хрущёва, я не хочу считать врагами страны. Я знаю, что студентов отдавали в армию и сажали в тюрьму. Это очень плохо. Их надо переубеждать. И делать это нужно очень умно.

25 апреля. Пятница. На следующий день после падения правительства Гайяра (в этом месяце) четыре виднейших французских писателя-некоммуниста: Роже Мартен дю Гар,

Франсуа Мориак, Жан-Поль Сартр и Андре Мальро (двое из них лауреаты Нобелевской премии) — послали на имя президента республики «Торжественное послание» с протестом против конфискации книги Анри Аллега «Допрос под пыткой» и призвали государственные власти беспощадно осудить применение пыток. Это ещё один из тысячи фактов, демонстрирующих отвращение французов к алжирской войне.

Двадцатая партия матч-реванша была отложена из-за болезни Смыслова.

Солнце над дорогой.

Я утром выхожу из дома
В далёкий путь, в нелёгкий путь,
И снова радостью знакомой
Восход переполняет грудь.

Летят над нами птичьи стаи,
Восходит солнце день за днём.
Трудясь, волнуясь и мечтая,
Мы все горим одним огнём.

От Немана до Сахалина
Одна страна, один народ,
Где солнце — факел исполина —
Свершает свой круговорот.

Оно уральский греет камень
И опускается вдали,
Там, где за синими реками,
Кричат по-польски журавли.

Пусть этот диск красив и чуден,
Смотрю я гордо на него:
Мне кажется, что это люди
Вчера изобрели его.

И я — частица этой силы,
И потому отрадно мне
Шагать по всей родной и милой
Необозримой стороне.

Как будто по вселенной вечной,
Я буду странствовать всегда...
А над дорогой бесконечной
Поют и ноют провода.

Открыл интересный факт — классовое расслоение в деревне. Оказывается, крестьяне терпеть не могут учителей, завидуют им, чуть ли не считают чужими (а ведь наши бишка-

инские учителя — почти все из крестьян и почти все чувашки). Наш учитель Георгий Максимович Германов, тоже чувашин, родом из деревни Куезбашево, человек семейный, живёт на казённой квартире. Работающий, славный мужик: желая построить собственный дом, он за 3,5 тысячи купил у одной старухи жалкую избёнку. Избёнка едва 500 рублей стоит, платил он за место (ведь земля не продаётся). Подал заявление в колхоз, и собрание колхозников не разрешило ему строиться на этом месте. Дескать, учителя занимают центр села, а колхозников отесняют на окраины. «Иди работать в колхоз, тогда позволим». Среди этих крикунов были пьяные.

Сейчас начну редактировать и шлифовать детективный рассказ. Там не хватает «собственного мнения». Думаю, что можно сделать рассказ для «Ленинца».

27 апреля. Воскресенье.

Сегодня в нашей школе был учебный день, зато мы не будем работать в субботу 3-го мая, и у нас будет четыре дня отдыха: 1, 2 мая, 3-го мая — отгул, 4 мая — воскресенье.

20-я партия матч-реванша вновь отложена из-за болезни Смылова.

Я переживаю золотое время своей жизни. Пусть на дворе дождик и слякоть, в душе у меня настоящая весна, настоящий медовый месяц. Не хочу записывать всего, что было, на этих предательских страницах: вдруг их прочтает любопытный глаз постороннего человека. Только скажу одно: исчезла вечная неудовлетворённость, хандра, сомнение. Отныне окончательно созрела во мне мысль о том, что интеллигентское брюзжание — вещь глупая. Народ живёт спокойно и спокойно «cultive son jardin»: изволь и ты трудиться! Наберись хладнокровия, жди развития событий. Будущее покажет. Пока во мне нет отчётливого взгляда на положение вещей — мне не с чем выступать. Я буду работать, и расти, и думать. Эпоха революций для нас прошла, настало время трудов и накоплений. Может, и взаправду Никита Хрущёв ведёт нас прямо в коммунизм.

Написал и заметил странную, дурацкую связь: между женщиной, которую я держал в своих руках, и коммунизмом.

28 апреля. Понедельник.

Вчера, кроме своих уроков, я работал вместе с другими мужчинами из нашего коллектива: мы делаем верстаки для политехнического обучения. Начали мы их делать давно, ещё в начале весенних каникул, но доделываем до сих пор. Вчера их уже собрали. Я делал свою любимую работу: нарезал гайки. Вчера нехватило заготовок для гаек, и я с моим «начальником» Гаврилой Николаевичем Михайловым (преподавателем труда) пошёл в кузницу. Там накалили железную полосу и нарубили заготовок. Я тоже немного постукал кувалдой. В просторной, но низкой кузнице полутьма; свет белый, дневной проходит через открытую дверь, свет красный, вулканический исходит из обшитого досками горна (его называют «горно»). Я крутил колесо воздуходувки; Гаврила Николаевич накидал лопатой угля в горн; чем сильнее я крутил колесо, тем выше взвизывался из горна фантастический павлиний хвост огня и искр. В этом огне накалялась наша полоса, а в золе горна кузне-

цы пекли картошку в мундире. Когда полосу рубили, то с неё кусками летела окалина; а потом Гаврила Николаевич сбрасывал с наковальни золотисто-розовые сияющие квадратики железа с дыркой посредине и они, остывая, медленно угасали. А дырки в этой полосе он пробивал «бородком» («бородок» — это короткий молот с длинным тупым носом): вернее, он наставлял по бородку кувалдой: кузнецы вокруг докуривали мои папиросы, добродушно усмехались и давали советы. Впрочем, не очень добродушно: главный кузнец, помогавший делать заготовки, спросил меня, сколько лет я учился. Я сказал, что четырнадцать. «Четырнадцать лет учился, а бить кувалдой не научился», — и в тоне его прозвучала холодная насмешка.

Но всё равно — тут, сидя на чурбане, вращая рукоять колеса и стуча кувалдой, я начал понимать поэзию ремёсел, к которой раньше относился довольно равнодушно.

Потом я вернулся с заготовками в школу; в захлапленном и загромождённом моторами кабинете машиноведения, где на стене висит учебная схема двигателя внутреннего сгорания, разрезанного пополам, я вставлял заготовки в тиски, вдевал в «вороток» метчик и, вращая вороток за обе ручки, нарезал гайки: сначала метчиком для черновой нарезки, а потом чистовым метчиком, у которого резьба мельче и острее.

День был пасмурный, дождик смочил молоденькую первую травку и мой старый коричневый плащ, когда я из кузницы нёс в школу на проволоке одиннадцать тёплых заготовок.

А после работы мы перешли в пионерскую комнату. Пока завуч Афанасьев с физиком Георгием Максимовичем Германовым, которого мы полусутоливо называем «прорабом», играли в шахматы, а физрук Михаил Иванович Борисов пыжился, извлекая непристойный звук из пионерского горна, завхоз и Гаврила Николаевич расставляли на столе заседаний пионерской дружины полные бутылки водки и самогона, вскрывали консервы и резали хлеб. И я натруженной рукой, тёмной от плохо отмытого масла, которым смазывал гайки и метчик, поднял заслуженные сто грамм и чокнулся со своими коллегами — сельскими учителями.

Во вчерашней моей записи, сделанной вечером, чувствуется лёгкое опьянение. Но сегодня я трезв, я дал шесть уроков, проверил двадцать диктантов, два часа покопался на огороде у тёти Маши и теперь могу повторить трезво: когда делаешь разнообразную и сильную работу (умственную и физическую), когда имеешь рядом тёплое улыбающееся существо и в душе надежду, то не будет чрезмерной ошибкой вообразить, что в этом и заключается смысл жизни. Это иллюзия, но её подкрепляют ежемесячно 700–800 чистых государственных рублей.

Я полюбил деревенскую жизнь, но я побаиваюсь втягиваться в неё: а ну как утрачу связь с жизнью больших городов и никогда больше не вернусь на людные асфальты, залитые дешёвым неоновым сиянием? Нет, этого я не хочу. Пусть за мной остаётся свобода выбора. Люблю и боюсь. Такого моё отношение к жизни: я люблю жизнь робко и осторожно, и после каждого шага оглядываюсь назад, где лампа с зелёным абажуром уютно освещает старый

письменный стол с чернильными кляксами на дерматине, со стихами Бадлера, биографией Наполеона, историей Французской буржуазной революции и записями об импрессионизме.

Но главное для меня давно уже стало литературное творчество, а для этого нужно шагать всё дальше от милой настольной лампы, не боясь работы, дальних дорог или кастета хулигана.

Ещё я забыл записать, как шипели инструменты, нагретые от железа, когда Гаврила Николаевич опускал их в долблёную колоду с водой — из колоды тотчас взлетал пар.

Сегодня солнце, грязь сохнет. Скоро я погуляю в Уфе. Мне хочется писать без конца, излить душу, словно я пишу завещание; но пора мыть сапоги, облепленные огородной землёй, а потом опять проверять тетради, а завтра я дежурю по школе и должен придти за полчаса до первого звонка.

Итак — точка.

4 мая. Уфа. Я взял эту тетрадку с собой в Уфу. Два дня — нет, уже три — я чувствую себя выбитым из колеи. Вечером 1 мая я пришёл с Юрой Поройковым на вечер у девушки, с которой он ходит. Галя Киселёва — выпускница Мединститута. Сегодня я уже болен. Я с ужасом думаю, как буду работать, как буду встречаться с женщиной — всё у меня в башке крутится вокруг Гали.

Юрка сделал ей предложение в ту пьяную ночь — не знаю, что она ответила. Во всяком случае, она с ним мила. Но со мной — я помню минуту общности, когда нас обоих обдало жаром, как из распахнувшейся адской печи: мы танцевали, я держал её в своих объятиях, мы были близко и словно летели друг в друга; я почувствовал, что лицо моё налилось кровью, я глядел ей прямо в глаза, и в этот момент она перешла на то углублённое и страшное дыхание, которое мне уже знакомо. Мы разделились с досадой, и с этого момента между нами началась бесконечная игра взглядами и улыбками. «Когда у вас с Юрой это кончится, рассчитывай на меня», сказал я ей.

А сегодня я наконец снова застал её (вчера она гостила у родных в Черниковске, я трижды в течение дня не мог её застать). Несколько минут нам перепало, хотя её мать входила и выходила без конца. Я сказал ей по сути дела всё.

6 мая. Вторник.

Многое решилось за время моего пребывания в Уфе. Главное моё решение — работать злее, крепче, яростнее. Не слишком увлекаться изысканиями в недрах новооткрытой планеты Венеры.

1 мая, после демонстрации, я встретил на улице Рамиля Хакимова, который предложил мне заведывание отделом литературы и искусства в газете «Ленинец». Это его отдел, сам он теперь стал заместителем редактора. В конце июня я начну работать в «Ленинце».

Я, как мне показалось, влюбился в Галю Киселёву, на которой собирается жениться Юра Поройков. Последние часы в Уфе были для меня мучением: я бешено стремился к ней и терзался жуткими противоречиями. Я не хочу вредить Юрке. Чорт знает что!

Сейчас я немного успокоился. Минувшей ночью мы с А. С. Н. были на обычном месте. Теперь я знаю, как можно грустить и думать о самых посторонних вещах даже во время отчаянной скачки.

Сегодня я дал шесть уроков. Дует сильный ветер, солнце то и дело исчезает в облаках. Сейчас я буду читать польские журналы.

На Кубе расширяется восстание «Przekroj», № 676 (23 марта с.г.) даёт новое фото Фиделя Кастро: рослый, в очках, в зубах сигара; по профессии адвокат, и ему 31 год.

Шах Ирана разводится с 25-летней красавицей шахиней Сорайей (Soraya). Это была примерная чета, и супруги любили друг друга. Шах был женат на сестре тогдашнего египетского короля Фарука, и она родила ему подряд двух дочерей: по мусульманским обычаям, это позор для женщины. Шах развёлся с ней и женился на молодой и прекрасной Сорайе, дочери персидского аристократа и немки (дедушка её до сего дня живёт в Восточном Берлине).

12 февраля 1951 года во мраморном дворце в Тегеране с великой помпой праздновалась свадьба. Рядом с молодым шахом Мохаммедом Реза Пехлеви шла прекрасная 18-летняя девушка, убранная в великолепную свадебную креацию знаменитого Кристиана Диора, парижского диктатора мод. Это была Сорайя Эсфадиари. Её отец, иранец, торговал диванами в Берлине; мать её была немка из Риги с неаристократической фамилией — Карл. Перед этим шах развёлся с Фавзией, сестрой короля Фарука, которая не оправдала надежд шаха и двора и не дала наследника престола, столь необходимого для династии Пехлеви, правящей только с 1925 года. Девять лет супружества шаха с Фавзией кончились разводом, и сестра шаха принцесса Shams отправилась искать невесту. Шах поставил только одно условие: новая супруга должна быть принцессой, происходящей из западно-иранского племени Бахтиаров.

Почти 3 года длились поиски. Наконец, Shams вернулась, привезя из Лондона фотографии молодой девушки. Шах влюбился в фотографии с первого взгляда. Брак с Сорайей облегчал и внутривосточную обстановку: долгие годы, ещё с царствования отца теперешнего шаха, Бахтиары бойкотировали правительство Тегерана; отец Сорайи (сейчас иранский посол в Бонне) Халил Эсфадиари, происходящий именно из этого племени, был вынужден надолго покинуть родину и кормиться торговой диванами.

Брак шаха с представительницей Бахтиаров положил конец их вражде к дому Пехлеви. Бахтиары начали участвовать в политической и интеллектуальной жизни страны. Молодая чета жила в исключительном согласии. Даже события 1953 года, когда премьер Моссадык вынудил правящую чету покинуть на время Иран, только укрепили, казалось, счастье супругов. Но затем началась драма.

Шахиня не дала династии наследника. Иранская конституция позволяет шаху развод после пяти лет бесплодного супружества. Шах не мог решиться на этот шаг. Он женился по любви. «Печальная императрица», как называли Сорайю, много раз обращалась за советом к лучшим европейским и американским специалистам, но безрезультатно. На шаха

давно оказывали давление, чтобы он поискал себе другую жену и чтобы она дала ему наследника.

На седьмом году брака Мохаммед Реза Пехлеви, наконец, последовал указаниям тронного совета и решился на развод с Сорайей. Он сделал это весьма учтиво; говорят, что Сорайя получила ренту в 120.000 долларов ежегодно. «Печальная императрица», всегда бывшая излюбленной мишенью для западных журналов, сейчас находится у своего отца в Западной Германии.

Аристотелес Онассис, один из богатейших людей в мире, оцененный специалистами в 300 млн. долларов, живёт в зависимости от актуальных потребностей в пяти прекрасных домах, расположенных в пяти разных странах. Его самая любимая резиденция на суше — прекрасный маленький дворец в Монте Карло, где постоянно пребывает его жена г-жа Тина Онассис и её двое детей. Но лучше всего Онассис чувствует себя, принимает своих многочисленных гостей и раздаёт приказания с роскошной яхты в мире: «Христина» (названа по имени маленькой дочки г-на Аристотеля).

«Христина» построена во время войны для Канады как «истребитель», но с тех пор много изменений произошло на её борту. . . На яхте 14 кают для гостей, не считая апартаментов Онассиса и его свиты: кабины носят названия греческих островов. Передняя часть судна, покрытая великолепной мозаикой, может в течение 50 секунд — от одного нажатия кнопки — превратиться в плавательный бассейн. После нажатия другой кнопки выплывает целая флотилия миниатюрных моделей, охватывающих все известные морские суда, от Ноева ковчега до плота Кон-Тики.

Чтобы сохранять равновесие во время шторма, гости Онассиса могут хвататься за многочисленные специальные рукоятки из китовых зубов. Китовой шкурой покрыты кресла и стулья на яхте — ножки кресел сделаны из слоновой кости. В баньках мраморные ванны имеют золотые и серебряные краны, в дамских гардеробах гребни и щётки оправлены в золото.

Библиотека «Христины» содержит много ценнейших книжек мира. Ими выложены три стены — на четвёртой висит великолепная картина Эль Греко. В столовой стоит необыкновенной ценности статуя Будды. Только три особы на земном шаре имеют равноценные фигурки Будды: Онассис, Елизавета Британская и вдова Ага-Хана.

С борта своей яхты Онассис управляет могущественной армией своих секретарей, директоров и служащих, использующих два самолёта и целый табун автомобилей. Архив Онассиса, при помощи которого он ориентируется в своём огромном состоянии, — это маленький чёрный блокнотик и золотой карандаш. . . Указания он даёт молниеносно. Часто покидает гостей лишь на 5 минут, решает дело необычайной важности и с улыбкой возвращается в бар, словно выходил только умыться руки.

К лучшим друзьям Онассиса принадлежит сейчас Грета Гарбо. Всюду говорят, что божественная Грета не решится ни на один шаг без предварительного обсуждения с преданным ей Аристотелем. Недоступная для многих достойнейших лиц этого мира, Грета

часами забавляется с детьми богатого грека. Эта некогда величайшая кинозвезда, очутившаяся в болезненном тяжёлом одиночестве, скрывается от людей, носит чёрные очки, красит волосы, живёт под чужим именем. Онассис (фактический владелец казино Монте-Карло) намеревался создать в Монако европейский киноцентр, который мог бы стать конкурентом Голливуда. Грета Гарбо должна была бы здесь вернуться после многолетнего перерыва на экран. Но князь Ренье категорически воспротивился этим замыслам, а Грета оказалась тяжелой нервнобольной, уже абсолютно неспособной для какой-нибудь работы в кино. Итак, отпал предлог для контактов Онассиса со знаменитой актрисой. Их соединяет просто дружба, а не выгода.

7 мая. Среда, вечером.

Эти дни я роюсь в огороде у тётки Маши. Мы копаем рядом с Шурой и ведём разговоры (подчас *un peu risqués*): так легче копать. Мне скучно, все мои мысли в Уфе.

Матч-реванш по шахматам достиг драматического финала. После 22-х партий счёт стал 12:10, и Смыслов ещё сохраняет шансы на лавровый венок. Он сократил разрыв до двух очков, но должен выиграть обе оставшиеся партии. Ботвинник размагнитился, он тянет на ничью, а в результате проигрывает. Он устал. Двадцать третья партия отложена из-за его болезни, но партии 8-го и 10-го мая уже не могут быть перенесены.

Апрель 1958 года. Американская газета «Балтимор сан»:

«Наши нефтяные компании готовятся к эксплуатации Сахары. Они делают это с благословения французского правительства. С Францией, которая держит сейчас в руках Сахару, заключены и заключаются контракты.

До тех пор, пока Сахара принадлежит Франции, с ней надо считаться. Дипломатия нефти часто бывает извилиста. Франция и наши нефтяные компании работают плечом к плечу».

Нью-Йорк. Статистики ньюйоркского таможенного управления указывают, что в течение последних лет из Европы ввезено свыше 3.000 картин Коро. Огромное большинство — это, конечно, фальсификаты.

Лос Анжелес. Из анкеты, проведённой в здешнем «большом свете», явствует, что «наихудшие одетым мужчиной» США является великий кинорежиссёр Орсон Уэллес.

Гонолулу. На здешних дорогах местами встречаются предупреждения: «Внимание! Дорога скользкая во время опадания цветов».

Южный полюс. Советские геологи нашли в Антарктике уголь. Двести миллионов лет назад там росли тропические леса.

Париж. Мижану Бардо (Mijanou Bardot), младшая сестра «В. В.», имеет шансы стать равно знаменитой: она была внезапно ангажирована в четыре кинофильма.

«Przekroj», от 23 марта 1958 г., Роман Бужиньски, «W Moskwie i w samolocie». Приводятся цифры.

«Некоторые заработки в Москве: выдающийся передовик труда — 3 — 7.000 рублей, директор департамента 5.000, водитель автобуса 900, учительница 900, лифтёрша — 600,

уборщица в отеле 400. — Некоторые цены в Москве: гарнитур из 100 % шерсти — 1800 рублей, дамский плащ 1200, мужские ботинки среднего качества 300, летние дамские туфли 140, дамский шёлковый комплект 230, 1 кг. хлеба 2,90, пирожное (очень толстое) 2,15; 1 кг джема в банке 14,50; 1 кг масла 27,50; 1 кг мороженой щуки 4,40; лимон (1 штука) — 2,50; радиоаппарат от 740 до 2.300; телевизор от 1900 до 2.100; хороший обед в ресторане (суп, мясные блюда, кофе) — 22; 1/2 литра водки чистой 40 % — 23,20; 1/2 литра коньяку — 37,50; билет в оперу, дальние ряды, партер — 30; часы-будильник, обычный — 75; будильник украшенный, дорожный — 150».

8 мая. Четверг.

28 апреля перед участниками 46-го ежегодного съезда Американской торговой палаты выступил руководитель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес. Речь его называлась «Вызов Хрущёва». Кратко остановившись на политике СССР до кончины Сталина, Аллен Даллес заявил:

«Сегодня мы сталкиваемся с более тонкой политикой Никиты Хрущёва. Будет ли она более или менее действенной, чем политика Сталина, в смысле достижения основных целей международного коммунизма? Я, разумеется, не намерен преуменьшать серьёзность военной угрозы со стороны Советского Союза или того вызова, который он бросает в области науки и техники, от чего зависят новейшие системы оружия. Однако, как мне кажется, при нынешней политике СССР не намерен использовать свою военную мощь таким образом, чтобы пойти на риск всеобщей войны».

«... Мы должны предвосхитить любые попытки такого прорыва, который изменил бы соотношение военных сил.

Если же исключить такую возможность, то решающие битвы холодной войны скорее всего будут в течение довольно длительного времени вестись в областях экономики и подрывной деятельности».

Аллен Даллес указал на быстрый экономический прогресс СССР. «В то время как валовой национальный продукт Советского Союза составлял в 1950 год около 33 проц. валового национального продукта США, к 1956 году он возрос примерно до 40 процентов, а к 1962 году он может составить 50 проц. Это означает, что советская экономика развивается и, вероятно, будет и дальше развиваться до 1962 года примерно вдвое более быстрыми темпами, чем экономика США. Ежегодный общий пророст составлял в среднем 6–7 проц., а ежегодный рост промышленности — 10–12 проц. Эти темпы развития чрезвычайно высоки».

Аллен Даллес сказал затем, что, хотя потребление, определяемое в долларах, составляло в 1956 году в Советском Союзе «свыше двух третей общего потребления Соединённых Штатах». В области электроэнергии, металлургической базы и производства средств производства капиталовложения, по словам Даллеса, составляли 80 % капиталовложений США, а в 1958 год они, «вероятно, превзойдут наши капиталовложения».

Промышл[енная]. продукция СССР в 1956 г. составляла около 40 % выпуска американской пром. продукции, но «выпуск продукции советской тяжёлой промышленности был

пропорционально выше этой общей средней цифры, а в отдельных случаях выпуск продукции некоторых отраслей уже приближался к уровню Соединённых Штатов».

Ал[лен]. Даллес сказал, что в то время как в 1-м квартале 58 г. выпуск промышл. Продукции в Советском Союзе был на 11 % выше, чем год назад, индекс совета управляющих федеральной резервной системы показывает сложение в США на 11 %. В нынешнем году «советский блок», по словам Даллеса, впервые «превзошёл Соединённые Штаты по выплавке стали», причём один лишь Советский Союз выплавил свыше 75 % количества стали, выпущенного в США.

Далее он говорил об усилении торговли СССР со «свободным миром» и о привлекательности для слаборазвитых стран советской системы кредитов, а также сетовал на «секретность» Советского Союза, порождающую недоверие. «Ответом» Запада на «хрущёвский вызов» должно быть новое обращение к Советскому Союзу с призывом «положить конец секретности, порождающей подозрения и сомнения».

Подчёркивая достижения Советского Союза, которые Запад не должен недооценивать, Даллес повторил свои прежние утверждения насчёт внутренних трудностей в Советском Союзе.

Как я и ожидал, за границей «кузькина мать» была переведена как «самое грубое русское ругательство». Западные журналисты кричали: достойно сожаления, что на конференции большой четвёрки такой джентльмен, как мистер Эйзенхауэр, будет сидеть рядом с таким невоспитанным человеком, как мистер Хрущёв. Не надо было Никите так шутить. Говорят, что сначала он был довольно популярен в Западной Европе, а сейчас совсем не то. Венгрия, смещение Булганина, изгнание Молотова, концентрация власти в одних руках. . .

Да, у нас диктатура. При социализме режим диктатуры неизбежен. Диктатура, большая полнота власти, фактически бесконтрольное управление есть необходимая форма всех переходных периодов в истории; она возникает после каждой революции, и после неё следует обычно ослабление (Юлий Цезарь, Наполеон, Александр Великий, Тимур).

Неужели и на этот раз? Или, может быть, в игру вступят какие-нибудь новые, неизвестные исторические закономерности?

Тут нужно подумать. Вероятно, что сначала мы пройдем долгий период расцвета.

9 мая. Пятница.

4 мая газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала статью своего театрального критика Джона Мартина, где он очень высоко оценивает наш Государственный ансамбль народного танца СССР и описывает трогательную сцену, разыгравшуюся 3 мая в переполненном доотказа зале «Метрополитен опера».

«Пользовавшиеся феноменальным успехом гастроль танцевальной группы Моисеева из Москвы в “Метрополитен опера” завершились непредусмотренным программой жестом международной доброжелательности.

В заключение программы, выступая на бис, 32 танцора образовали “виргинский хор вод”, а оркестр во главе с дирижёром Гальпериным заиграл мелодию “Индюк в соломе”.

Зрители пришли в восторг, энергично отбивали такт, а когда танцоры запели “Ура, ура, все ребята собрались”, стали подпевать, чем увеличили общее веселье. Вряд ли можно было придумать более удачный конец для столь увлекательных гастролой».

(Наши корреспонденты описывали невероятное впечатление, произведённое на четырёхтысячную аудиторию театра «Метрополитен опера» неожиданным исполнением американского народного танца «виргинский хоровод»: зрители ахнули от удивления и радости, встали и в такт музыки начали хлопать в ладоши, подпевать и даже пританцовывать. Звуки американского оркестра, которым управлял советский дирижёр Самсон Гальперин, были почти заглушены пением зрителей и ритмичными ударами тысяч ладоней.)

Далее Джон Мартин пишет: «Ещё одной новостью для зрителей явился момент, когда руководитель и вдохновитель ансамбля Игорь Моисеев вызвал на сцену американского импрессио С. Юрока и расцеловал его в обе щёки по русскому обычаю. Когда в последний раз опускался занавес, собравшиеся танцоры по своему обыкновению аплодировали зрителям и махали им руками на прощание».

Сто жизнерадостных советских танцоров — ансамбль Моисеева — покорили Нью-Йорк. В то самое время, когда москвичи рукоплескали техасскому парню Ван Клиберну, американцы бешено свистели, выражая свой восторг танцами советских народов. Сборы были рекордные. Всего было дано 15 концертов; на последний из них перекупщики продавали билеты в десять раз дороже номинальной цены. За кулисами у наших танцоров побывал Поль Робсон. В зале «Метрополитен опера» было продано столько стоячих мест, сколько позволяет по закону.

Сейчас советский ансамбль народного танца находится в Канаде. Оттуда они отправятся в турне по всему американскому континенту. В июне они снова выступят в Нью-Йорке, где для них будет резервирован самый большой зал города «Мэдисон сквер гарден» (12.000 мест).

Всё больше молодых американцев, не имеющих работы, записываются в армию, и всё больше людей, закончивших службу, изъявляют желание остаться сверхсрочно. Как заявил один американский деятель, экономический спад оказался благоприятным для армии.

А вот ещё о танцорах, история, взятая из польских журналов: дуэль в 1958 году!

Впервые после свадьбы Франсуазы Саган Париж вновь получил развлечение. Это была сенсационная ссора между известным балетмейстером Сергеем Лифаром и маркизом де Куэвас.

Сергей Лифарь, русский по происхождению, не так давно подаривший Советскому Союзу одну из рукописей Пушкина, только что сошёл со сцены. Ему 53 года, он ведёт деятельность хореографа.

Маркиз де Куэвас родился в Чили, свой титул получил от испанского короля Альфонса XIII. Он является гражданином США и знаменитым меценатом балетного искусства. Ему 73 года.

Началось с того, что Лифарь пытался воспрепятствовать премьере балета «Чёрное и белое», который финансировал де Куэвас. В антракте между ними произошёл резкий обмен мнениями, оба упрекали друг друга в плагиате. Лифарь рыцарским жестом бросил под ноги маркизу платок, на что последний ответил пощёчиной. Всё это произошло в присутствии многочисленной публики и фоторепортёров, которые запечатлели и обоих соперников, и момент пощёчины, и теснящуюся вокруг толпу смеющихся дам и любопытствующих господ.

Из снисхождения к возрасту оскорбителя Лифарь предоставил ему выбор оружия. Маркиз де Куэвас выбрал шпаги. Во время фехтовальных упражнений соперники позировали фоторепортёрам, да и сам поединок происходил перед их объективами. После нескольких минут боя старшему господину удалось оцарапать руку танцора, и поединок, назначенный «до первой крови», был прерван секундантами. После этого враги сердечно обнялись, а маркиз даже уронил слёзы волнения. Дуэли во Франции запрещены, но полиция не слишком пыталась помешать схватке, очевидно, понимая, что всё это дело выглядит не очень страшно.

Атомная бомба. Первую бомбу в 1945 г. сбросил на Хиросиму американский бомбардировщик «В-29» под названием «Инола Гэй». Из его экипажа капитан Парсонс вступил в монастырь, полковник Гиббетс покончил жизнь самоубийством, а капитан Льюис живёт в Нью-Йорке.

«Przekrój», 20 апреля 1958 года. Мария Зентарова, «Письмо из Голливуда». Выдержки из письма.

[На главной артерии Голливуда — Sunset Boulevard — автор письма не нашла никаких следов столицы американского кино. Где же настоящий Голливуд? — спросила она у одного знакомого. Тот, пожав плечами, ответил, что Голливуд как таковой вообще не существует, что это фикция, созданная журналистами, но есть на карте города Лос Анжелес несколько мест, которые являются характерными для того, что мы привыкли считать центром кинопромышленности.]

Поэтому, чтобы увидеть так называемых звёзд, нужно пойти на ужин в ресторан Майка Романова [Mike Romanoff] и заплатить бешеные деньги. Чтобы увидеть восходящие или имеющие надежду взойти звёздочки, можно пойти в любое время дня и до двух часов ночи в аптеку Швабба на том же Сансет Бульвар. А чтобы уж вполне успокоить журналистское и туристское сомнение, нужно ещё обозреть известный китайский театр Граумана, где уже несколько десятков лет происходят прапремьеры всех шедевров Десятой Музы.

... Это странное здание, возведённое свыше 20 лет назад, представляет собой как бы памятник киноискусства. Эта гигантская псевдокитайская пагода, окружённая шеренгой высоких пальм, была свидетельницей премьер самых знаменитых фильмов света. Теперь это кино закрыто. Его помещения переделываются, т.к. кресла начали разваливаться, а узкий экран стал здесь таким же пережитком, как конь с бричкой.

Огромная надпись объявляет, что открытие наступит в пасхальное воскресенье, что переделка будет стоить полмиллиона долларов и что на новом экране появится «cinemiracle», или киночудо, а говоря просто, новый фильм Луи де Рошмона.

Одна вещь, которая отличает кино г-на Граумана от всех других китайских пагод мира и от всех других кинотеатров, — это маленький асфальтовый дворик перед главным входом. Там, на цементных плитах, можно увидеть автографы и отпечатки рук, ног или иных характерных частей тела известных актёров, которые приходили сюда на премьеры своих фильмов. . .

Грауман сделал только одну ошибку: просил актёров поместить на память также и даты премьеры в цементе. И вот мы видим, что великолепная Жанетта Макдональд была на вершине славы в 1934 г., Джоан Кроуфорд в 1932, Катрин Хепбёрн, Кэри Грант или Бйри Купер ещё раньше. Sic transit Gloria Swanson (1928 год). Сегодня это старые господа и пожилые дамы, но они всё ещё при помощи фильтров и вуалей очаровывают киноманов в ролях и так наз[ываемых]. фатальных женщин.

Туристы со всей Америки и со всего мира наклоняются над этими цементными плитами и набожно обходят оттиск очков Гарольда Ллойда, удивляются маленькой ножке Лоллобриджиды и недоумевают, почему же нет отпечатка самого знаменитого бюста в Америке, принадлежащего Джен Мэнсфилд.

Юл Брюннер был, говорят, в бешенстве, что Грауман не сумел отремонтировать к недавней премьере «Братьев Карамазовых». Он хотел, конечно, увековечить в цементе свою лысую голову.

[Идя пешком к аптеке Шваба, корреспондентка внезапно попадает на гигантский базар, где из больших мрачных магазинов прямо на улицу выставлены прилавки, заваленные огромными кучами ношенной одежды.]

Несметное количество магазинов с обувью. Таких высоких каблуков я, пожалуй, не видела нигде на свете. Последний крик моды — туфельки из прозрачной массы, в каблуки впущены искусственные цветные розы.

Улица тянется без конца. До одурения магазины с тряпками, магазины с сувенирами «made in Japan», магазины с пластинками по сниженным ценам, рекламы, надписи. С плаката размеров двухэтажного дома смотрит на всё это огромное лицо субъекта, держащего в гигантской руке исполинскую папиросу. Конечно, реклама новых папирос с фильтром «в сто двадцать раз лучшим», чем все другие фильтры в мире. . . .

. . . «Schwabb's Pharmacy». Там, конечно, нормальные аптечные прилавки с лекарствами и косметикой, затем уголок с книгами, туалетными и хозяйственными приборами — нормальная американская парфюмерная лавка, если можно так выразиться. Но есть и второе помещение. В этом втором — одни столики на две или четыре osoby. Osoby — молоды, обо-его пола.

Парни одеты в твидовые (tweedowe) пиджаки, тесные на бёдрах, с подкороченными рукавами. Ни один не носит галстука, но за то цветные рубашки: в полосках, в клетках,

в вафельках. Башмаки замшевые. Волосы или бобриком, или волнистые и в качи купер (kaszy kuper). Выглядит или на итальянский манер, т.е. небольшие, плотные, с тёмными волосами и влажными, собачьими глазами, или высоки, худощавы, светловолосы и слегка поджарые.

Девушки в мундирчиках, или в облегающих коротких платьях, выделяющих бёдра и высокие, выширяющие, то ли настоящие, то ли искусственные бюсты.

Сидят и пьют содовую воду со льдом. Пересаживаются от столика к столику, говорят громко, просматривают специальный журнальчик, в котором находятся адреса агентов, объявления и колонка сплетен об актёрах.

Среди них кружатся кельнерши, бюсты которых неслышанно затрудняют им подавание кофе и балансирование подносами. Кельнерши — рослые, смуглые, очень светловолосые и имеют массу старательно завитых локонов. Ясно видно, что они ни на минуту не забывают о том, что именно здесь, у этого Швабба Мэрлин Монро была кельнершей и что именно здесь, когда подавала порцию кофе какому-то субъекту и наклонилась низко, сидевший напротив киноагент «открыл её». О да, таких вещей не забывают и так возникают легенды. Sunset — закат солнца.

Из того же «Пшекруя».

Голливуд. Ренессанс фильмов «ужасов» — на сей раз в американском телевидении. Эти фильмы в последнее время вышли в США из моды и снимали их мало, зато сохранилась масса старых Франкенштейнов, Кинг-Конгов и т.п., которые неизвестны современному поколению зрителей, но уже могут быть показаны в телевидении (демонстрация телевидением новых фильмов запрещается на определённый срок, чтобы не делать конкуренции кинотеатрам). Фильмы с Борисом Карловым делают вновь фурор.

Париж. Брижитт Бардо отказалась работать в Голливуде. В связи с этим одна из величайших американских фирм будет финансировать её фильмы, снимаемые во Франции.

Лондон. Черчилль, который недавно болел на Ривьере, получил 17.000 писем, телеграмм и телефонограмм во время и после болезни. Тем временем в Вашингтоне происходит выставка его картин: самая меньшая из них достигла цены 2.000 долл., не говоря о больших.

Вчера игралась 23-я партия матч-реванша. Её отложили с равными шансами. Сейяас Москва передаёт последние известия. Как закончилась партия? — После домашнего анализа Смыслов убедился, что нет возможности выиграть, и перед доигрыванием предложил Ботвиннику ничью, которую тот принял. Одержав семь побед, при пять поражениях и одиннадцати ничьих, Ботвинник набрал $12 \frac{1}{2}$ очков и вернул себе почётное звание чемпиона мира.

Плакальщикам Запада.

Нечего плакать над нашими судьбами,
Вавилонские арфы вешать на ивах.
В любых переделках спокойны будем мы,
Без трагических поз и без жестов красивых.

У нас диктатура, у вас демократия,
У вас там вдоволь и кофе и пенек,
У вас, конечно, все люди братья,
А у нас — «сплошной кошмарный застенок».

У вас ведь и нищие — в автомобилях.
У каждого свой телевизор в комнате.
А чёрные пятницы — вы позабыли их?
А годы кризисов вы не помните?

Мадьярские парни зубами пощёлкали
У неоновых окон венских кофеен.
А как обернулись вдруг серыми волками
Процветания вашего добрые феи?

Так бросьте вы плакать над юностью нашей,
Ведь мы-то не плачем и рук не ломаем.
С киркой и лопатой, с заздравною чашей,
Иль с красным знаменем радостным маем, —
В полях Казахстана, в сибирских чащах
Мы гордо идём, и не плачьте под ивами:
Здесь нет «потерянных», нет «пропавших»,
Есть только крепкие и есть ленивые.

Но мы воспитаем их, этих лентяев,
Брюзгам и эстетам у нас делать нечего.
Не ищите на картах «страну негодяев»,
Она стала страной широкоплечих.

12 мая. Понедельник.

Побывал в Уфе. Галя Киселёва по-прежнему улыбается мне очень нежно. Юрка Поройков явно волнуется, ревнует, но верит ей. Мне нравится его поведение, он держится, как мужчина.

Кто такая Галя Киселёва?

Она заканчивает в этом году Мединститут. Ей 23 года. Родилась она в Харбине в семье совслужащего КВЖД, в возрасте одного года её привезли в Союз. В 1937 году её отец, участник гражданской войны, коммунист, был расстрелян (это была серия расстрелов бывших служащих КВЖД). Мать Гали — уроженка Владивостока, возможно, что эмигрантка (девичья фамилия — Гейне).

Галя Киселёва — рослая, крупная девушка, рост её 1,69 метра; на каблуках она выше меня. Сложена довольно пропорционально, но тяжеловато, с уклоном в классику: массивная грудь, широкие бёдра. У неё полные женские руки. Волосы завиты, хоть не коротко. Глаза

карие, веки почти совершенно коричневые, брови правильного рисунка; небольшие, но чувственные губы; нос прямой, русский, с крохотным «выпадом». Очень славная, правдивая улыбка. Над правой бровью коричневая родинка. Цвет кожи, пожалуй, смугловатый, матовый; одевается со вкусом. Вес явно больше моего. Девушка умная, с юмором и смелостью. Кокетство заменено у неё откровенной лаской, очень товарищеской и очень женственной: я это очень люблю. Это добрая душа.

Особую прелесть, особый оттенок её жизнерадостному и обаятельному лицу с ямочками на упругих щеках и сверкающими карими глазами придаёт довольно заметная седина в каштановых волосах. Откуда это у неё? Это вносит привкус тайны и романтики. Я смеюсь над романтикой, но не могу от неё вполне освободиться. На мой вопрос Юра Поройков важно ответил: «Она очень много пережила. ТЫ ЗНАЕШЬ, она была у генерального прокурора».

Детали. На первомайском вечере мы сразу подружились, и я сказал ей, что охотно станцевал бы с ней, но на каблуках она выше, мне будет неудобно. Тогда она сказала, что надеет тапочки специально для меня. И когда я раза три станцевал с маленькой Бертой, Галя подошла ко мне и спросила: «Рома, скоро мне надевать тапочки?» И эта доброта, непринуждённость меня покорила. Против этого я безоружен. Я жестоко смеюсь над кокетками, над «фатальными женщинами», над «вампами», над девушками-ангелами, но веселье, доброта, непринуждённость имеют на меня неодолимое влияние.

Далее. 4 мая, в день отъезда, я говорил с ней у неё в комнате, её мать входила и выходила. Мы были откровенны. Фактически, я объяснился ей в любви, не употребляя этого истасканного и для наших времён одиозного слова. «Эх, девочка!» — вырвалось у меня. — «А если не девочка?» — «Ну, что ж, всё равно,» — спокойно ответил я. Подсознательно я ожидал этого, хотя ни разу отчётливо не подумал. Да ведь героиня сочинённого мною романа («Любит — не любит») — тоже не девочка.

Ничего. Это немножко больно, но она от этого не хуже. Что же у них будет? Юра думает на ней жениться. Я был у Гали вчера, в воскресенье, 11-го. Теперь я приеду в Уфу только 25-го мая. Две недели. Пусть за это время у них всё прояснится окончательно. Пусть решится.

Не буду кривить душой наедине с самим собой и принимать изящные позы перед зеркалом. Скажу себе правду. Это у меня не первая любовь, хотя серьёзная, пожалуй, только вторая или третья. Если всё это кончится ничем, я не буду плакать, нет. Опьянение прошло. Или на расстоянии это чувство слабеет?

Последнее время лили дожди, в которых по временам мелькало солнечное небо. Дул сильный ветер изменчивых направлений. Плюнешь — и плевков, прежде чем упасть на землю, словно вибрирует в воздухе, выбирает место. Через Башкирию прошёл циклон с Атлантики. Приехав ночью на станцию Белое Озеро, я увидел чёрную ночь без звёзд и без луны, а в посёлке страшная грязь и глубокие каналы-овраги. Поэтому я вошёл в зал ожи-

дания и заснул лицом вниз на скамье. Когда я проснулся через полтора часа, я ощутил непрошенную эрекцию и увидел в окнах бледный рассвет.

Было очень грязно, но уже настал день — холодный, мокрый день без солнца. Я вышел в 5.30 утра. На шоссе гравий, грязь, лужи, свежая зелёная травка по обочинам; вдруг оказалось, что в полях густой белый туман. Ветер утих. Проходя мимо Ивановки, я слышал собачий лай и петушиный крик, но не видел даже колокольни, не видел ничего. Дорога уходила прямо в туман, горизонта не было. Туман исчез так внезапно, словно машинист гигантской театральной сцены бешено закружил рукоятку лебёдки: блоки завертелись, и занавес взвился. Показалась трогательно-влажная и юная даль, какая-то пенорождённая, с молодой зеленью склонов, с бишканскими дымками, почти вертикальными, с голубой волнистой линией гор, замыкающих горизонт. Когда я подходил к мосту через речонку, что пересекает шоссе на 22-ом километре, в сторону от дороги поднималось бишканское стадо: бурые и пегие коровы, чёрные козы, серые овцы. Слышалось мычанье, бляенье, хозяйственная брань пастухов и до странности сходный с этой бранью хозяйственный лай их четвероногих помощников. К полудню день разгулялся. Ветерок ещё повевал, временами наплывали облака, но солнце светило всё сильнее. Какая погода будет завтра? Идёт сев, и надо сажать картошку. Дождей уже достаточно, начало сезона благоприятное («май холодный — год хлебородный»).

Одиннадцать часов.

Женщина.

Только немного.

13 мая. Вторник.

Из журнала «Dookola swiata». № 224 от 13 апр. 58 г.

В Нью-Йорке на выставке цветов были продемонстрированы мхи, которые, по утверждению американских астрономов, растут также на Марсе.

Сороконожки тоже имеют цену: 6 шиллингов за штуку. В Малайе их используют как сырьё для изготовления любовного напитка. Прежде в этих целях производился напиток из удавов.

Иерусалим. Израильская полиция была вызвана к полной боевой готовности. Причиной демонстрации явились вооружённые демонстрации крайне ортодоксальной еврейской секты «Стражников стены», которые угрожали бомбами, если будет осуществлён проект постройки семейных бань для мужчин и женщин.

Эр Риад. — Комиссия американских финансовых специалистов, опрошенная правительством Саудовской Аравии после проведения вступительных исследований, объявила, что в этой стране проведение рационального финансового хозяйства будет невозможно до тех пор, пока государственный бюджет не будет отделён от приватного бюджета короля Ибн Сауда.

Родриго Маранес, один из шефов тайной политической полиции Испании, был официально уволен со своего поста за выявленную принадлежность его к клубу нюдистов в Мадриде.

В Западной Германии издан официальный запрет искусственного оплодотворения — операции, к которой всё чаще в последнее время прибегали бесплодные женщины.

Неизвестные бандиты проникли в атомную станцию британской армии (харуэлл) и украли 300 кг ртути.

Последняя кавалерийская часть американской армии — 287-ая компания жандармерии, расположенная в Западном Берлине, расформирована по причине слишком высокой стоимости содержания.

№ 225. 20 апреля 58 г.

Антонио де Деус, эквилибрист и престижитатор из Лиссабона, подвергся операции желудка. Врачи извлекли оттуда 1377 грамм свинца, 436 гвоздей и 100 обломком безопасных бритв.

Токиро Сунуми, сельский хозяин, внёс формальный иск в суд в г. Осака против одного купца, который обманул его при продаже двух несовершеннолетних девочек. Только тогда Токиро узнал, что такие сделки считаются преступлением, и был заключён в тюрьму вместе с тем мошенником-купцом.

Доктор Мильфред Арнольд, руководительница детского отдела в американском департаменте здравоохранения, заявила, что в Соединённых Штатах ежегодно продаётся около 10.000 детей. Бездетные супружества платят за ребёнка от 200 до 4.500 долл.

Арнольд Шенинген, депутат Бундестага, вероятно, будет иметь судебное дело за то, что назвал «фашистом» своего коллегу, депутата СДИ (христианско-демократического союза). Этот христианский демократ, когда Аденауэр ссылаясь на мнения атомника профессора Теллера, крикнул: «Что нам за дело до мнений какого-то еврея!»

Эр Риад. Тронный совет Саудовской Аравии должна вскоре решить вопрос о допуске «неверных» в столицу страны. Ибо до сих пор немусульманам запрещалось пребывать на территории священных городов Мекки и Медины и столицы Эр Риад. Заграничные дипломаты пребывали в Джидде.

Токио. Институты исследования современного японского языка окончил кропотливые труды над списком иностранных слов, чаще всего употребляемых японцами. Первое место в списке занимает слово «sputnik», сразу после него идут «coca-cola», «gangster» и «girl».

Москва. В течение всего существования Брюссельской Всемирной выставки каждый день будет стартовать с московского аэродрома самолёт, везущий в Бельгию 100 кг астраханской икры.

14 мая. Среда.

Вячеслав Михайлович Молотов, 1890 года рождения, самая популярная личность в оппозиции, находится сейчас в Москве. В трамваях и метро говорят только о нём. У него был сердечный приступ, и перепуганное монгольское правительство спешно отправило его из Улан-Батора в Москву. Говорят, что жена его, Жемчужина (Пэрл), та самая, что при Сталине сидела в тюрьме как шпионка, теперь отрёклась от Молотова как от антипартий-

ного элемента. Молотова в Москве очень жалеют. В мемуарах генерала де Голля Молотов оценивается очень высоко.

Кой в чём он оказался прав, этот вождь оппозиции. Он считал, что не надо осваивать целину так поспешно: сначала строить дороги и хранилища, а потом уж поднимать целину на гигантских казахских просторах. Урожай 1956 года был поистине баснословный, но из казахстанского миллиарда добрая половина сгнила на полях и в бунтах. Урожай убирали мобилизованные студенты и военные части; не было хранилищ, и грузовики везли за 200, 300 км зерно к элеваторам на железной дороге — бензину сжигали столько, что себестоимость зерна становилась чудовищной. Спиртозаводы на целине не простаивают, как у нас, за недостатком сырья: гонят спирт без передышки, некондиционного зерна много. — На целине не хватает людей, оттуда бегут по-прежнему, нет жилищ, нет хранилищ, нет никаких сельскохозяйственных построек, нет шоссежных дорог. Сейчас там всё продаётся на яйца (закуп): чулки, носки, платки, рубашки. Швейная машина — 600 яиц. У нас в Бишкеке, насколько я знаю, десяток яиц приравнивается к 4 рублям 75 копейкам. Цена явно заниженная. . .

А что говорил Молотов в 1954 году, насчёт Югославии? Урегулировать отношения между государствами, но не лезть в партийные братья. Не идти в Каноссу. Его не послушали. Бросились в объятия «дорогого товарища Тито». Потом пригласили его к себе, дали ему убить заповедного оленя. И вот югославский Бонапарт, гений современного маккиавеллизма, показал себя во всей красе. Он берёт деньги у США и пользуется помощью СССР, выражает благодарность Америке и дружеское расположение к России, но на VII-м съезде Союза Коммунистов Югославии говорит об «идеологической монополии» КПСС в коммунистическом лагере, утверждает возможность эксплуатации ведущей социалистической державой других стран социализма, говорит о неизбежности возникновения при социализме новой социальной силы — бюрократии, с которой СКЮ борется путём «отмирания государства».

VII съезд СКЮ в апреле 1958 года обсуждал программу партии. За несколько месяцев до этого в Москве, на праздновании 40-летия Октябрьской революции, югославы подписали Манифест мира, но отказались от участия в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, не подписали Декларацию. Итак, они противопоставили Декларации свой документ — программу, представляющую собой комбинацию общемарксистских положений с тезисами западного либерализма. Там есть утверждение, что политика Сталина была «основной причиной создания Атлантического пакта». Тупо. Атлантический пакт — прямой результат победы СССР в войне и укрепления коммунизма в восточной Европе. По утверждениям югославских коммунистов, их страна стоит вне лагерей социализма и империализма; они говорят, что понятие лагеря социализма связано с гегемонизмом той или иной «руководящей страны» в лагере социализма. Югославы говорят о социалистических партиях, «руководство которых привыкло получать и выполнять директивы, поступающие извне».

СССР, дескать, стремится к мировому господству... Такова наша дружба с Югославией. Молотов, видимо, был отчасти прав.

Уфа. Р. Назиров, литсотрудник газеты «Ленинец». Лето 1958 года.

Ближний и Средний Восток.

Личное. Сентябрь.

[Перевод с польского газетной статьи — Прожито.]

«Zycie Warszawy», воскресенье 20 — понедельник 21 июля, № 173 (1958 г.)

Как происходил визит Насера в Москву (От нашего постоянного корреспондента)

Каир, 19 июля.

Каирская газета «Ахбир эль Йом» публикует сегодня, ссылаясь на своего московского корреспондента, обстоятельства визита Насера в Кремль. Посол Объединённой Арабской Республики в Советском Союзе Эль Куни выехал в понедельник со своей семьёй на отдых в Грузию. В момент прибытия на место он получает демешу, рекомендующую ему немедленное возвращение в Москву. В Москве ему передают телеграмму из Белграда.

Ибо президент Насер, до которого весть о высадке американцев в Ливане дошла, когда он на своей яхте возвращался из Югославии в Египет, вернулся в Югославию. В этой телеграмме министр иностранных дел Фавзи сообщает о намерении президента Насера отправиться тотчас в Москву для встречи с премьером Хрущёвым. Эль Куни информирует об этом Громыко, а Громыко — Хрущёва.

Президент Насер прибывает в Москву в среду ночью. Его сопровождает только министр Фавзи. На аэродроме его приветствует Хрущёв. Оба руководителя тотчас отправляются в Кремль, где Насер получает в своё распоряжение те самые апартаменты, которые занимал два месяца назад. В четверг перед полуднем Насер имеет долгую беседу с Хрущёвым, при которой присутствует переводчик. Во второй встрече приняли также участие советский министр иностранных дел Громыко, Фавзи и посол Эль Куни. Всё происходило в полной тайне. Другие советские министры, прибывающие в Кремль, не знали ни о чём. Персонал посольства ОАР тоже не имел о визите Насера никакого понятия. Посол Эль Куни собственноручно зашифровывал на машине тексты.

Каир доведася о пребывании Насера в СССР таким путём: из Белграда пришли телеграфные тексты личных посланий Насера к Чжоу Энь-лаю, Неру и Сукарно. На вопрос Каира, нужно ли выслать также послание Хрущёву, из Белграда пришёл ответ: «Не высылать письма Хрущёву, т.к. встречу его лично». В первый момент Каир счёл, что текст депеши был неправильно зашифрован. Тем не менее, приказано было держать известие в абсолютной тайне.

Посол Эль Куни не спал ни минуты в течение 48 часов, так что, проводив Насера, который отлетел в Дамаск, он тотчас лёг спать. Через несколько минут один из работников посольства разбудил его, сообщая, что, кажется, президент был в Москве. Заспанный посол ответил: «Да? Это забавно...»

Рышард Война.

25 июня. Среда

Успех американского пианиста на конкурсе Чайковского был мировой сенсацией. Вот что пишет об этом «Dookola swiate» nr 232 от 6 июня 1958 г.:

«Совершенно чужие люди задерживали его на улице — обнимали и целовали. Он получал сотни писем, десятки подарков, неисчислимые вязанки цветов (в том числе и от пани Хрущевой). Женщины громко плакали на его концертах, называя его «нашим любимым Ванюшкой». Ленинградцы стояли три дня и три ночи, чтобы только достать билет на его концерт.

Со времён выступлений Листа в Петербурге сто лет назад, никто — ни один заграничный музыкант — не вызывал в России такого неслыханного, неправдоподобного энтузиазма и восторга, как 23-летний американец из Техаса — Ван Клиберн (Van Cliburn). Сам великий Рихтер, как известно, очень скупой на похвалы, сказал о нём: «Лишь немного лучших (пианистов) смогло мне дать такое переживание, как он». Для Арама Хачатуряна Ван «лучше, чем Рахманинов». «Такие виртуозы случаются только раз или два в столетие». Плача от восторга, Эмиль Гилелъс расцеловал его после концерта. Этого ещё не бывало!

Во время своего турне по Советскому Союзу после выигрыша в конкурсе имени Чайковского Вана приветствовали всюду, от Риги до Киева, как героя . . . искусства. Советские меломаны попросту обезумели. А Ван перед выездом из Советского Союза доверился другу: «Это мои люди. Я думаю, что, пожалуй, всегда имел русское сердце. Я не пожалел бы для них моей сердечной крови. Никогда во всю мою жизнь я не чувствовал себя так хорошо, как здесь».

Ван оставил за собой в Америке неоплаченные счета за телефон и угасающий контракт с музыкальным импрессарио. И это, равно как свитерок, который высовывался у него из-под фрака, когда он кланялся безумствующей публике, делает его более человеческим и простым.

Стоит ещё добавить, что «Ванюшка» — ревностный трезвенник и человек весьма религиозный. Двадцать процентов своих доходов от отдаёт секте баптистов, а регулярно читаемая Библия сопровождает его везде.

При всём этом молодой музыкальный гений из десяти тысячного местечка Килгор (Kilgore) в Техасе — весёлый, непосредственный мальчик, которого вообще все любят.

*Техника Вана ослепительна — его огромные руки, охватывающие своими пальцами полторы октавы, легко переходят от мягких трелей к мощным двойным октавам. Но Ван не является типом технического виртуоза. Тому, что играет, он придаёт форму собственного переживания, умеет своей интерпретацией извлечь новые ценности из известных произведений. При этом, как, например, в скерцо *Cis — toll* Шопена, случается ему иногда добавить что-то от себя, и тогда он объясняет: «Я думаю, что Шопен простил бы меня».*

Интересно, что в Соединённых Штатах Ван (хоть получил в 1954 г. ценную награду имени Левентритта) не пользовался в последнее время успехом. Его импресарио даже отнёсся недоверчиво к проекту его участия в Московском конкурсе. Какой же это контраст с триумфальным возвращением Клиберна в Штаты! Его принимали как национального героя. Сто тысяч жителей Нью-Йорка вышли 20 мая на улицы, чтобы приветствовать его. Мэр города официально провозгласил этот день «Американским Днём Музыки».

Van Cliburn (произносится Клайбёрн) во время турне по СССР чуть не каждый день «звонил» матери в Штаты (т.е. радировал), а на обычные вопросы — как вам нравится у нас etc.? — отвечал: «очень хорошо, только скучаю по маме». Это худощавый юнец огромного роста, с тонкими пальцами больших рук.

Нет пророка в своём отечестве. Ван получил «Левентритт приз» за 1954 год, критик Бианколли назвал его очень одарённым пианистом, и всё же в 1957 году он оставался без ангажемента. Ван Клиберн был открыт в России.

13 июля. Воскресенье.

Ну, что ж, работаю. Может быть, из меня ещё получится что-нибудь вроде газетчика. В субботнем номере моя рецензия на «Три толстяка», поставленные Куйбышевским ТЮЗом. Мелкие вещи я вырезать не буду.

На просмотре в Главкинопрокате. «Разбитые мечты». Жан Марэ и Дани Робен. Посмотреть на её ноги я схожу ещё раз.

«Идиот», первая серия. («Настасья Филипповна»). Говорят, второй части не будет. Замечательный князь Мышкин — актёр Яковлев. Прекрасная гордая Настасья Филипповна (Борисова). Второй план хуже. Хорош ещё Ганя Иволгин с усами и бородкой а la Napoleon le Petit. От режиссёра Пырьева никто не ожидал Такого успеха.

Анекдот о Пырьеве. Это очень грубый, мужиковатый сибиряк. Однажды он пинками ногой в живот вышиб из Дома кино певицу Русланову и её мужа — генерала, но в то же время пригрел какого-то интенданта: пил с ним, обнимался. . . Интендант стал смотреть на Пырьева как на божество. Желая, угодить чем-то своему великому другу, он пристал к нему: «Позвольте, я сниму с вас мерку. У нас там сейчас прекрасный материал есть. Разрешите сшить вам костюмчик.» — «Да не надо мне твоего костюмчика!» — «Ну, позвольте, ну что вам стоит. . .» — «Черт с тобой, шей!» . . .

Пырьев милостиво взял костюм и повесил в гардеробе. А надо заметить, что интендант этот служил в комитете госбезопасности в отделе экипировки. Через год Пырьева пригласили на приём в Кремль. Он схватился за голову: где взять чёрный вечерний костюм? Но вдруг вспомнил — ура, есть! Надел дарёный костюм и отправился.

На приёме закусывают в вертикальном положении. Пырьев стоит, истребляет икру. Вдруг кто-то кладёт ему руку на плечо: «Парень, начальник велел не налегать на икру.»

Режиссёр оглянулся. Перед ним стоял человек неопределённой профессии в точно таком же чёрном костюме из того же материала. А по углам маячили десять таких же чёрных костюмов. . .

На другой день Пырьев пинками в живот вышвырнул из Дома кино своего друга-интенданта!

У Форда спросили: «Почему вы ездите на автомобиле «Волга»?» Он ответил: «Люблю ездить вспоминать детство.» («Волга» скопирована с одной из фордовских моделей).

17 июля. Четверг.

Третья мировая война может начаться из-за арабов.

1) Гражданская война в Ливане. Президент Камилл Шамун. Из «Dookola swiata».

«Когда в 1952 г. Шамун пришёл к власти, ничто не предвещало именно такого развития событий. Это было через несколько недель после победы революции в Египте, возглавляемой генералом Нагибом и мало тогда известным полковником Насером. Лозунги этой революции достигли Ливана и оказали несомненное влияние на падение правившего в интересах аристократии президента Бихара эль Хури. Его место занял более либеральный Камилл Шамун.

Нужно сказать, что Шамун застал нелёгкую ситуацию. По сравнению с другими арабскими странами полуторамиллионный Ливан — край неслышанно сложных проблем. Пятьдесят пять процентов населения — это христиане, среди которых большинство составляют т[ак] [называемые] марониты.

Остальных 45 процентов — это мусульмане и друзы. Раздел это не только религиозный. Преобладающая часть христиан находится под западными влияниями и воспитана на европейской культуре. Эти люди издавна считали себя европейцами с презрением смотрели на турок, владевших этой страной до 1918 года. Издавна их соединяло много уз с Францией и Италией, главным образом торговых и культурных. Это преимущественно зажиточный городской слой, который великолепно уживался с французами и воспитывался во французских школах. Главный лидер маронитов Шамун выглядит более европейцем, чем, например, сам итальянский премьер.

Тесные связи в культуре и в чувствах с западным миром являются причиной чувства превосходства у маронитов к миру арабскому, а значит — и к Насеру. Остальное население — это мусульмане, симпатизирующие, конечно, остальному арабскому миру и прежде всего Насеру.

По ливанской конституции президентом страны может быть только маронит. Так и президент Шамун является приверженцем этой секты. Сначала казалось, что Шамун будет вести Ливан более независимым путём.

Однако человек, который своим приходом к власти в косвенном отношении обязан Насеру, начал вести политику, подобную политике своего предшественника. Политику Шамуна отличало всё в большей и большей степени подчинение Западу. Её кульминационным пунктом было принятие Ливаном «доктрины Эйзенхауэра». В последнее время там усилилась пропаганда против Объединённой Арабской Республики.

Успехи политики Насера (особенно после Суэца), лозунги арабского единства, объединение соседней Сирии с Египтом производили однако влияние, в основном на мусульманскую часть населения, которой начал надвигаться «человек Запада» и его прозападная политика.

Шамун, ныне 57-летний, изучал право в университете в Бейруте. В 1924 г. он был избран в палату депутатов. Во время последней войны выступал против французского господства и сыграл значительную роль в освобождении страны.

Нынешняя каденция Шамуна истекает в сентябре этого года. Так как ливанская конституция возбраняет повторное выставление кандидатуры, Шамун решил соответственно «подправить» конституцию. Вокруг этого дела разгорелся резкий диспут, который, как известно, перерос в открытое восстание...»

Баррикады на улицах Триполи. Взрывы бомб в ливанских городах. Бои в горах. Полиция и армия за Шамуна, но весь народ, от муфтия мусульман до патриарха маронитов, образовал широкую оппозицию, которая взялась за оружие после убийства журналиста Насиба Метни.

Почему американцы не ввели войска в Ливан сразу? Международная пресса предполагала: 1) американцы хотели бы иметь на месте Шамуна более эластичного политика, своего, но внешне независимого; 2) в последнее время наметились шансы на улучшение отношений между Каиром и Вашингтоном.

Но внезапно всё опрокинулось.

2) Ирак — пять миллионов жителей (около 80 % арабы, 15 % курды). Тигр и Евфрат. Багдад и Басра. «Тысяча и одна ночь». Гарун ар Рашид. Первое место в мире по производству фиников (на экспорт). Ячмень, пшеница, рис, хлопок. Племена бедуинов кочуют со своими стадами. Нефть. По добыче нефти одно из первых мест в мире. Главные позиции в иракской нефти занимает английский капитал.

Крупнейшей политической фигурой королевства неоднократно был Нури Саид, неоднократно премьер, один из авторов багдадского пакта (февраль 1955 г.), правивший путём террора и насилия. В противовес объединению Египта и Сирии Нури Саид создал Арабскую федерацию: Ирак и Иордания, под руководством иракского короля.

После начала гражданской войны в Ливане Нури Саид начал собирать силы для интервенции.

Однако Нури Саид не успел вмешаться в ливанские дела. 13 июля, или в ночь на 14-ое, произошла офицерская революция в новоарабском вкусе. Власть в Багдаде захватило новое правительство, его главой и верховным главнокомандующим стал Абдель Керим Касем. Король Ирака Фейсал арестован. Премьер-министр Ури Саид бежал и скрылся. Багдадское радио передало обращение командования вооружёнными силами Иракской республики к населению страны с призывом оказать содействие в розыске и аресте Нури Саида; за его задержание обещали награду в 10.000 иракских динаров. Вскоре корреспондент Ассошиэйтед пресс сообщил из Бейрута, ссылаясь на багдадское радио, что бывший премьер схвачен

народом и убит, а его труп был доставлен ко дворцу правосудия в Багдаде. Народ убил также наследного принца Абдула Иллаха, дядю бывшего короля.

Так родилась Иракская республика. Первым делом республиканское правительство денонсировало багдадский пакт. ОАР и СССР уже признали новую республику. Все западные кабинеты собрались на экстренные совещания. Факел арабской революции брошен в Ирак, один из главных нефтяных резервуаров Ближнего Востока.

Запад перестал колебаться. Американцы ввели войска в Ливан. Советское правительство издало крик ярости. Запахло дракой.

Сегодня по всему Союзу срочно начали проводить митинги в поддержку Заявления советского правительства о положении на Ближнем и Среднем Востоке³.

27 июля. Воскресенье.

В нашей армии отменены отпуска. События в Ливане и Ираке вызвали большой подъём курсов на бирже в Нью-Йорке.

Три друга-диктатора: Абдель Насер, Тито и Неру — образовали тeneвую большую тройку мировой политики. Они чувствуют друг в друге некое родство душ и сходство положений. Холодная война России и Америки идёт на пользу этим рассчётливым нейтралистам. Опираясь на поддержку Хрущёва Насер потихоньку сколачивает Панарабскую федерацию.

26 мая 1958 года «Unita» писала:

«Prossimo incontro di Nasser e Tito.

Cairo, 25. — Fonti autorizzate della Repubblica Araba Unita hanno affermato oggi che il presidente Abdel Nasser incontrera il maresciallo Tito ai primi di luglio a Brioni.

Nasser e Tito si sono gia incontrati a Brioni nel luglio del 1956, per una conferenza neutralista alla quale partecipo anche il primo ministro indiano Jawaharlal Nehru.»

Итак, в июле на Брионах встретились Насер и Тито. Незадолго до этого Насер послал президенту Тито в знак дружеских чувств к югославскому народу двух одногорбых верблюдов для белградского Зоо.

В Ливане шла уже гражданская война. Насер беседовал с Тито, а тем временем разразилась революция в Ираке. Король был схвачен, и судьба его оставалась неизвестна. Нури Саид бежал, его поймали и убили; улицу, где он был убит, назвали «улицей Свободы». Убили дядю короля и, наконец, самого короля Ирака. Новое правительство тотчас денонсировало антинасеровский пакт с Иорданией. Иорданский король Хусейн тотчас объявил себя главой иракско-иорданской федерации.

Когда Насер на своей яхте плыл из Югославии в Египет, он узнал об американском десанте в Ливане. Яхта тотчас взяла обратное направление. Из Белграда Насер вылетел в Москву. Встреча с Хрущёвым проходила в глубокой тайне. Затем Насер очутился в Дамаске. Англичане высадились в Иордании. Запахло порохом: планировали поход на Багдад от имени короля Хусейна.

Но это оказалось невозможно. Целый ряд причин:

1) Мощная проарабская демонстрация СССР и угроза ответного удара в случае вооружённого конфликта в этом районе.

2) Слабость опорных пунктов базы. В Ливане стрельба прекратилась, но повстанцы сохраняют свои опорные пункты. В Иордании — бесчисленные заговоры на жизнь ненавистного короля. Хусейн много раз хотел отречься, но западные друзья силой принуждали его оставаться на троне.

3) Великолепная дипломатия Ирака: «Из Багдадского пакта не выходим, собственность нефтяных компаний не трогаем, мы не коммунисты, мы мирные арабы, хотим дружить с Египтом.» и постепенно Иракскую республику признали все, вплоть до США, и Хусейн объявил, что федеративный договор Ирак — Иордания от 24 февраля 1958 г. аннулируется.

Бурная военная кампания в прессе и радио СССР прекратились. Одним из её эпизодов был «хорошо организованный» (по выражению Эйзенхауэра) погром американского посольства в Москве. . . Или нет, погром был после казни Имре Надя и Пала Малетера, а это просто демонстрация, плакаты на русском и английском языках, размахивание кулаками. Как только Советский Союз отменил состояние боевой готовности № 1, мир вздохнул спокойно, по словам премьера Неру, заявившего, что три недели человечества балансировало на грани войны.

Эдлай Стивенсон посетил Москву. Громыко в Нью-Йорке. Равновесие остаётся неустойчивым, но тень войны отошла, тихая паника кончилась.

28 августа. Четверг.

Редко я заглядываю в дневник. Работа в редакции плоха тем, что в свободное время уже не хочется братья за перо. В личной жизни нет изменений. Начинаю всерьёз думать о женитьбе. На ком? На Гале Кустас? Не охота. Славная девчонка, но не возбуждает меня. Мне бы надо что-то другое.

Закончилась чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, созванная по нашей инициативе. Единогласно приняли проект резолюции, представленный десятью арабскими странами. Даг Хаммаршельд, видимо, 25 авг. уже выехал в Амман. Он обязан дать отчёт Ассамблее.

Самое интересное Даллес энергично обвинял ОАР в «косвенной агрессии». Наблюдатели ООН не нашли доказательств импорта насеровского оружия и агентов в Ливан. И в Ассамблее Египет, Ливан и Иордания сумели найти компромисс в общем арабском лоне: просим вывести войска с Ближнего Востока. Даллес сделал хорошую мину при плохой игре и проголосовал за арабскую резолюцию.

30 августа. Суббота.

Я не уважаю себя, как же я могу уважать людей? Для меня нет никого и ничего святого. Вот так жизнь! Может быть, страстная любовь могла бы меня изменить. Но я не способен на высокое чувство, во мне живут только низкие и грязные вожеления, я ощущаю по-

требность в самоунижении путём внутреннего раздувания всех нечистых помыслов. Я их смакую — назло себе, вопреки тому лучшему, что есть во мне.

С презрением отвергая самоубийство, я культивирую ложную мечту о сумасшествии и полусерьёзно говорю друзьям, что у меня дурная наследственность и по материнской, и по отцовской линии. (Старший брат матери, обладавший огромными способностями к математике, умер шестнадцати лет в чахотке и помешательстве. Сходные примеры были ещё и у Воловичей, и у Назировых. . .)

Но, правда, я люблю детей, люблю человечество вообще, стариков и старух, белокурых, чёрных, рыжих, люблю зрелых, красивых женщин и мужчин, но особенно детей. . . а ещё особеннее люблю девочек 14 лет, белокурых, тонконогих и длинненьких, с первыми проблесками груди. Именно такая живёт в доме по ул. Сталина, 45, где помещается и редакция «Ленинца». Она часто играет с младшими во дворе. В ней всё прелесть, и я стараюсь на неё не смотреть. Это ненормально, болезненно, но я вечно, как голодный, думаю о скверном.

Однажды я сострил: «Терпеть не могу очкастых». Это только наполовину шутка. Я интеллигент, но не люблю интеллигентов и хотел бы быть рабочим. Я подл, но не люблю подлецов.

Кончено. Я излился. «Как проститутка, душу изливаю. . . » Да, может быть, это слишком напыщенно, но с датским принцем я чувствую нечто родственное.

Ну, хватит. Дёшево всё это звучит. Да и к чему? Лучше бы стихотворение написать за это время. Одно время получались стихи.

«Смесь». Из журнала «Przekroj» от 20 июля 1958 г.

Париж. В 1957 г. Франция получила от вывоза парфюмерной продукции 4,5 миллиарда франков, от вывоза книг и периодических изданий — 13 миллиардов, от вывоза коньяка 15 миллиардов.

Первая выставка Амадео Модильяни в 1917 году зияла пустотой. В 1958 г. в первый же день на выставку умершего в 1921 г. живописца явились 8.000 человек, один из первых был Чарли Чаплин.

Когда трансатлантик «Queen Elisabeth», идущий в Лондон, задержался в Шербуре, на его борту находилась женщина, совершенно не замеченная репортёрами — Сорайя Эстандиари — Бахтиари.

Умер французский писатель Франсис Карко, любимец Монмартра, друг многих художников. Живописец Нонда, слишком бедный, чтобы купить венок, пожертвовал свою картину, которая была положена в гроб Карко.

В Америке best-seller — книга, расходящаяся по меньшей мере тиражами в 250.000 экземпляров. Во Франции большим успехом являются уже 50.000, а в Англии бестселлер начинается с 25.000. Так, например, Kingsley Amis, которого в Англии считают эквивалентом Франсуаза Саган, не превысил 30.000. Последний бестселлер в Штатах — это «By love possessed» («Одержимый любовью»), автор — Cozzenza. Этот роман, который расхватывается также и в Англии, не понравился английской критике.

В Нью-Йорке сделаны первые попытки уничтожить скверный запах в туннелях метро. Для этого там распыляется эссенция яблоневого цвета.

В Гамбурге на аукционе распроданы 13 почтовых открыток, в сумме за 1200 долларов. Эти открытые письма написаны знаменитым писателем Францем Кафкой.

Ив Монтан не поёт больше песен и разошёлся с Симоной Синьоре. Последний раз, вероятно, они снимались вместе в «Салемских колдуньях». В этом фильме с ними выступала новая звезда, самая молодая модная во французском кино после Брижитты Бардо — это Милена Демонжо, бывшая манекеница у покойного Диора. Сыграла роль Эльзы в фильме «Bonjour, tristesse!» (по повести Франсуазы Саган). Критики хвалят эту роль, но сам фильм оценивают невысоко. Понравилось только интересное деление фильма: всё, что происходит на Ривьере, в красках, парижские кадры — черно-белые; понравился также новый шлагер, который исполняет в фильме знаменитая певица Жюльетта Греко.

На земном шаре живёт 2737 миллионов человек. По данным ООН, в 1980 г. земля будет иметь 4 миллиарда населения, а в 2000 — шесть или семь миллиардов.

Оксфордский университет пригласил Пикассо на торжество вручения ему диплома doctor honoris causa. Пикассо ответил телеграммой: «Не имею времени для участия в таких торжествах точка не имею времени интересоваться вашим университетом точка жизнь коротка точка пишу картины точка Пикассо».

12 сентября. Пятница.

Ну, живу, работаю. За последнее время толкнул в «Ленинце» три крупных материала: «Черниковский — на вахте» (фоторепортаж с молодого нефтеперерабат[ывающего] завода — ЧНПЗ, опять с Якубовым), «Смешение жанров» (рецензия на кинофильм «Девушка с гитарой») и «Десятый выпуск альманаха». В последней рецензии я куснул уфимского «поэта» Евгения Рассказова. Это типичный арап, литературный плут, обнаглевшая бездарь, нахал, выжига и доносчик. Сегодня он уже звонил мне по телефону со своими претензиями. На обсуждении альманаха в русской секции я обязательно выступлю.

Мама отдыхает в Ялте. Мы с сестрой ведём «самостоятельную жизнь». Дину обуяла мания покупок, то, что по-английски называется «the shopping».

Мои вырезки из газет всё умножаются. Я решил складывать их в отдельную папку, вместо того, чтобы терять среди страниц дневников.

Дамаск. Жители двух сирийских деревушек в горах Антиливана до сих пор ещё пользуются арамейским языком, на котором говорило население Сирии и Палестины во времена Христа. Во всей остальной Сирии уже 1200 лет господствует арабский язык.

Бари (Италия). В необычайных обстоятельствах найдена неизвестная картина Модильяни, одного из основателей современного искусства. Десять лет назад некий инженер De Gemmis подарил своему другу картину, купленную по случаю в Париже. Другу картина не понравилась, и он спрятал её в чулан. Осмотрев её через 10 лет, он увидел, что краска осыпается, и из-под скверного пейзажа показывается женский акт. Оказалось, что это

подлинный Модильяни 1914 года. Эксперты оценили картину в 20.000 долларов. Хозяин картины скрывает своё имя, известно только, что он журналист.

14 сентября. Воскресенье.

Вчера после очень долгого перерыва я попал на вечер молодёжи в Оперном театре. Видал много знакомых ребят. Танцую с девушкой (этакая пышная, знойная брюнетка с грустными собачьими глазами) и не чувствую ни малейшей эмоции. Ну, никакой: ни дерзости, ни волнения, ни игры, ни озорства. Скукота, и только думаешь по временам: «А грудь у неё неплохо развита!»

Видимо, пылкая юность проходит, и наступает холодное злое мужество.

18 сентября. Четверг.

Кажется, я всё же нравлюсь девушкам. Почему — сам не знаю. Но это есть. Мне нужно войти в форму, привести себя в приличный вид и заняться женским вопросом вплотную. Нужно найти женщину. Именно женщину.

21 сент. Воскресенье. Мама вчера приехала из Харькова. Она была в Ялте, когда туда приезжали Хрущёв и Поль Робсон. Но об этом заранее не объявлялось, и о речи Хрущёва в Ялте она узнала из газеты «Правда».

Ближний Восток забыт, весь мир смотрит на Тайваньский пролив. Весь Китай встал под ружьё. Хрущёв побывал в Пекине. В послании Эйзенхауэру он заявил: «Нападение на Китай будет нападением на Советский Союз». В Варшаве идут переговоры между послами США и Китая. Союзники США отказались вмешиваться в тайваньский конфликт.

28 сентября Франция и заморские территории должны решить судьбу новой конституции. «Юманите» полна заголовками со словами «Non». Де Голль совершил путешествие по Африке. Французская пресса сообщала, что Мадагаскар (где во время восстания 1947 г. от рук французов погибло 80.000 малгашей) с энтузиазмом принимал генерала. «New York Times» сообщал, что французские колонисты вывозили малгашей из глубины лесов специальными грузовиками, а китайские лампионы, освещавшие дорогу от аэродрома до столицы — Танакаривы, были оплачены администрацией. Единственным человеком, который кричал «Да здравствует Франция», был сам премьер Де Голль.

11 сентября в «Экспрессе» появилась статья Жана Поля Сартра, из которой я перевожу фрагменты, опубликованные в «Zycie Warszawy»:

«Нам сказали, что мы будем голосовать. Это ложь. Сорвём завесу громких слов, прикрывающую преступление: 28 сентября будет не днём выборов, а днём насилия. И это насилие будет совершено над нами. . .

Я хорошо понимаю, что, по крайней мере, в самой Франции не будет контроля того, как мы голосуем. Но позднее? . . .

Избиратель, затерянный в «ничьей стране», отделяющей умершую республику от будущей монархии, должен сам принять решение, и это неотложно.

Говорят, что режим был прогнивший, что достаточно было его ткнуть, чтобы он рассыпался в прах, что нашим важнейшим заданием является устройство государства. Я не отрицаю этого. Но, используя это более или менее разумное положение, от нас хотят просто легализации акта насилия.

Правда, бывают события, когда это — неизбежное средство для превращения силы в право: и революционное правительство, вынесенное к власти массами, вырождается в тиранию, если по возможности скорее не уступит нормально избранной конституанте. Но кто сегодня говорит о конституанте? Ибо генерал де Голль — всё что угодно, только не избранник масс. . .

Нет, его правительство не вышло из революции; оно вышло просто из «пронунсъяменто» . . .

Не будем обманываться: никакие плебисциты этого мира не могут предотвратить акт насилия и изменить его незаконный характер. Голлистский режим будет до своего конца проявлять во всех областях своей деятельности результаты насилия, которое его породило.

Чтобы смешать карты, в один мешок бросают два совершенно различных плебисцита. Люди Африки на деле очень мало заботятся о том, каково по новой конституции будет отношение исполнительной власти к законодательной. Чёрный избиратель желает независимости, но ставит перед собой вопрос, допускают ли ему ресурсы и хозяйственное развитие его страны обойтись без нашей поддержки.

И поэтому «да», которое для Мадагаскара обозначает внутреннюю автономию и постепенное развитие в направлении к свободе, в Париже приобретает другой смысл: взятие под опеку французского народа и уменьшение вотума «нет». Это надвигающееся насилие выбирает своих жертв. Вследствие него страдают только демократы. . .

Не верю в Бога, но если бы в этом плебисците было бы нужно выбирать между Ним и теперешним претендентом, я бы скорее голосовал за Бога: Он скромнее. Он хочет нашей любви и нашего неограниченного уважения, но я склонен верить священникам, что взамен тоже нас любит и в высшей степени уважает свободу самого последнего бедняка. Зато наш будущий монарх тоже домогается, чтобы мы его уважали, но мы очень боимся, что он в свою очередь совершенно не уважает нас. Одним словом — Бог нуждается в людях, а генерал де Голль не нуждается в французах.

А может быть, однако нуждается? Ведь он сказал: «Я очень нуждаюсь в вашем доверии». Но ему будет вполне достаточно, чтобы мы уделили ему это доверие один раз, только один раз, 28 сентября. . .

Национальное собрание, находящееся под давлением реакционного Сената. Оно не имеет возможности самостоятельного выбора своих собственных министров. Ему отказывают или почти отказывают в праве низложения навязанного правительства. Сокращается время прений его сессий. Исключительно для себя резервируют право его роспуска или прерыва в его деятельности под предлогами, точнее не определёнными. Вы понима-

ете, французы, что это у нас, у нас всех, отбираются эти права? Референдум 1958 г. приводит на мысль слова Маркса, произнесённые 100 лет назад: «Всеобщие выборы появились в 1848 году только для того, чтобы самоуничтожиться».

Именно в этом кроется недоразумение. Ибо эта конституция на первый взгляд напоминает внутренний старательно вымеренный автопортрет некоего человека. А если к ней получше присмотреться, она оказывается результатом компромисса между силами, которые вынесли к власти этого человека: алжирских феодалов и крупного финансового капитала. . .

Парижские капиталисты, алжирские помещики; я не утверждаю, что эти люди слишком хорошо сговорились между собой. Но они соглашались в одном пункте: в том, чтобы взять народ за глотку.

Я признаю, мы ещё не дошли до того, чтобы нас были возле урн. Но избирательный опрос не свободен, если избиратель терроризирован. Без этих угроз, без этих пресловутых алжирских самолётов, готовых в любой момент взвиться в воздух, чтобы сбросить на Париж транспорт парашютистов, без человека «с ножом в зубах», конституцию встретили бы взрывами смеха: настолько она мутна, настолько глупа, наивна реакционна, что никто бы её просто не принял всерьёз. Если IV Республика умерла, то прежде всего оттого, что оторвалась от народа. Можно ли верить, что лучше будет по этой причине полностью обойтись без народа? Празднество 4 сентября было картиной Франции, которую нам готовят: в центре площади — принц; вокруг него хор избранных; далее в тылу бригады и кордоны полиции; с очень большого расстояния — гул народа, говорящего «нет».

Я обращаюсь к тем, кто поверил человеку июля и спрашиваю их: На что эта конституция? Вы говорите, что генерал де Голль нуждается в вашем доверии — я это признаю. Вы предполагаете, что он против полковников. Что проба силы не может ему удасться, если он не имеет за собой страны. . . Но каким же способом, думаете вы, ваш голос будет мандатом, восстанавливающим порядок и мир в Алжире? «Да», которое вы скажете, является утверждением всего, что он совершил с 1 июля.

Итак, вы одобряете участие Сустьеля в правительстве: но ведь Сустьель полуофициально представляет Комитеты Общественного Спасения.

Одобряете вы также назначение генерала Массю? Но генерал — один из главных виновников 13 мая.

Всё обман. Если бы генерал де Голль желал вашей поддержки для проведения референдума, для конкретной деятельности, для борьбы против определённых гражданских и армейских элементов, то он начал бы с провозглашения своей программы. Допустим, он сказал бы: «Хочу вести переговоры с повстанцами» — или совсем наоборот: «Буду вести войну до самого конца», как бы это было ясно! Каждый мог бы понять свою ответственность. Вместо этого нас приглашают к рассуждениям на темы власти президента и собрания, которая — вне света воображения — ещё не существует. Франция погрязла-

ется в отвратительную войну, цены скачут в гору, промышленность ищет рынков, а нам подсовывают конституцию; сверх этого — ничего, молчание или слова с двойным значением, которых экзегеты [толкователи] силятся интерпретировать каждый на свой лад.

Нет, во всяком случае это не поддержки нашей домогается генерал, а нашего повиновения и ничего больше. Но почему, собственно, мы должны ему повиноваться? Уже 150 лет, как Франция достигла совершеннолетия. Или она нуждается в отце? Берегитесь, в своё время мы могли бы вернуться к заблуждениям детства; а совершеннолетние к этому даже слишком склонны. Вы ответите, что знаете обо всём этом, но с этим нужно смириться, так как генерал де Голль — единственный человек, способный подавить восстание алжирцев. Он — подавить его? Да ведь именно это восстание дало ему власть и удерживает её для него.

Голосуя за де Голля, можете ли вы дать ему больше, чем он имеет? Он пользуется неограниченной властью: в течение трёх месяцев он мог сделать всё, а не сделал ничего. Наоборот, вы можете только прибавить смелости ультранационалистам. Всё — фальши. Ложь и давление, шантаж, террор, непонимание — всё это поспешило к референдуму, чтобы побороть сомнение, обесценить голоса оппозиции. Если бы должны были победить ответы «да», судите сами, что бы насупило после этого? Но даже без мысли о будущем, было бы недостойно голосовать под угрозой. Но так как мы не смогли избежать этого надувательского плебисцита, мы можем дать только один ответ: «нет».

Пусть наше «нет», сказанное монархии, обозначает «Конституционное Собрание». Генералу де Голлю, тем, кто его окружает, мы отвечаем: «В одном пункте мы согласны с вами: IV Республика умерла, и мы не имеем ни малейшего намерения её воскрешать! Но не вам принадлежит дело создания V Республики. Это дело одного французского народа, его полного и целостного суверенитета.»

Газета «Монд» поддерживает новую конституцию. В этой газете Морис Дюверже пишет: «Ставка фашистского клана — усыпить критический дух французов — свести референдум к личному вопросу («да за де Голля»), лишить их возможности свободного выбора, приучить к отречению в пользу одного человека. С маккиавелистическим умением они пользуются образом генерала, который не является фашистом, для того чтобы поддержать замешательство в умах.»

Французы, считавшие де Голля «человеком 18 июня», весной надеялись, что он обуздает алжирский мятеж. 18 июня 1940 г. — светлая дата в истории Франции, заявляет Эренбург: в этот день де Голль призвал французов не подчиняться приказам предателей и продолжать борьбу против немцев. Де Голль в годы войны стремился опереться на героев Сопrotивления, на антигитлеровскую коалицию. Лётчики полка «Нормандия — Неман», подчинённые ему, в советском небе защищали землю Франции. Советское правительство первым признало правительство свободной Франции, во главе которого стоял де Голль. В декабре 1944 года де Голль подписал договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Францией.

Католический левый еженедельник «Темуаньяж кретьен» пишет: «Одно из двух — или действительно генерал де Голль встанет во главе нового Сопротивления, ликвидируя всех банкротов Четвёртой республики и всех фашистов, военных и гражданских, которые хотя и Пятой республики с тем, чтобы она не была республикой. Что ж, тогда он сможет снова рассчитывать на нас, как в годы первого Сопротивления. Или же генерал де Голль окончательно докажет, что забыл о человеке 18 июня и стал человеком 13 мая с вытекающим из этого «сотрудничеством» со всякого рода «ультраами» — с ультранационалистами, ультраколониалистами, ультракапиталистами и ультрафашистами. В этом случае генерал де Голль станет олицетворением не Франции, но анти — Франции, и мы, помня, что такое верность, выступим против него — за Францию».

Писатель Франсуа Мориак верил, что де Голль остановит мятежников. Но прошло лето 1957 г., и Мориак написал с горечью: «Генерала де Голля остановили те тёмные силы, которым Франция подчинялась последние годы и которые привели к капитуляции 13 мая. . . К какой роковой катастрофе мы теперь неотвратимо несёмся?..»

«Экспресс» поясняет, что не фашисты нужны де Голлю, а де Голль нужен фашистам: «Без него, будучи сильными в Алжире, они оказались бы изолированными во Франции, где фашизм не организован, где народ осуждает алжирскую войну, где огромное большинство граждан дало бы отпор попытке установить военную диктатуру, если бы она не прикрывалась авторитетом одного человека.»

Спекулируя на симпатиях мелкого французского буржуа к де Голлю и на ненависти к коммунизму, радио Алжира в мае 1958 г. вещало: «Французы, выбирайте между лотарингским крестом и звёздами Кремля.» Лотарингский крест был в годы войны эмблемой сражающейся Франции, его носили на груди лётчики полка «Нормандия — Неман». Но теперь этой эмблеме придаётся другое значение. Морис Дюверже: «Неоголлисты склонны придавать лотарингскому кресту форму свастики». В сентябре 1958 г. к генералу де Голлю в его сельский дом (Colombey des deux Eglises) приехал новый союзник — канцлер Аденауэр. Правда, Аденауэр при Гитлере сидел в концлагере, но теперь в его державе запрещена компартия и разрешена партия националсоциалистов. Канцлер и генерал сердечно беседовали. Канцлер обещал правительству «обновлённой Франции» заём «на развитие Африки».

Движение цен на биржах («Życie Warszawy», 21 июля)

Международный рынок реагировал на последние события на Ближнем Востоке неожиданным ростом цен на многие основные виды сырья. Напр., на лондонской бирже цена на медь подскочила на 3,5 фунта за тонну, цена на цинк достигла уровня 731 фунт за тонну, т.е. вышины, давно уже не отмечавшейся. Пошли вверх цены на каучук и несколько меньше — на хлеб и хлопок. Специалисты учитывают дальнейший рост этих цен.

В мире свыше 50 миллиардов тонн исследованных запасов нефти. Из них около 64 % находятся в четырёх странах Ближнего Востока: в Кувейте, Иране, Ираке и Саудовской Аравии, 3,75 млрд. тонн (7,5 %) составляют запасы нефти в СССР и других социалистических странах, около 4,5 миллиардов тонн — исследованные запасы нефти в США.

В 1957 г. мировой оборот золота составил около 1 миллиарда 300 миллионов долларов (по цене 35 долларов за унцию золота). В этом количестве около 260 млн.долл. составляет стоимость золота, экспортированного Советским Союзом. Главные продажи золота из СССР совершались на рынке Великобритании (около 200 млн.долл.).

Охотница за скальпами.

Бесцветные глаза. Настоящая библиотека — рукописи чужих любовных писем (и мужчин, и женщин). Есть к ней: от наивных мальчиков, от сексуально-помешанных стариков с одышкой, от зрелых мужчин, к-рые сами себя презирали за эту страсть, и презрение невольно звучало в их письмах.

У неё муж в Ленинграде и, кажется, даже ребёнок, хотя в это нельзя поверить, судя по её фигуре. 26 лет, отлично воспитана, музыкальна и порочна, как сто тысяч *les filles*. Кипы немецк. и франц. журналов, где преподаётся искусство холить своё собственное тело.

Сказать, что она коллекционирует сердца — неточно. Она коллекционирует скальпы. На Западе таких называют американским жаргонным словом *vamp* (женщина — кровосос). В России есть гораздо более точное определение «сука».

Мальчик. Красавец (???), умница (???). Когда он всё понял, прочёл эти архивы, открыл тайну женщины-пантеры, он дал ей пощёчину.

Бесцветные глаза её вспыхнули. Они стали зелёными, как бериллы. Бросается на него, обзывает, гнёт к себе на грудь, расточая все свои ...

Он вырывается. Уходит. Вечер. Пьян. Грубая девка в том стиле, как у Камилла Моклера. «Я предпочитаю это!»

И охотница за скальпами исчезнет вместе со всем багажом.

[В тетрадь вклеена статья из газеты на английском языке — Прожито.]

U.S. polar threat to Russia (Daily Worker, 05 сент.1958)

Daily Worker Reporter

This is what submarines that can go under the polar ice-cap mean to American warmongers. "What U.S. atomic subs could do to Russia from polar hide-outs" is the title of this map in the magazine U.S. News and World Report.

And on the right is Regulus II, an American missile which can be launched from submarines or surface ships [неразборчиво] targets 1.000 miles away. It is being made ready for firing at Edwards Air Force base, California.

The U.S. Navy boasts that these 57ft rockets, which can carry a nuclear warhead, can hit a target at speeds twice that of sound, with "pinpoint accuracy."

It hopes to have its nuclear-powered submarines equipped with these rockets soon, and claims they will give the U.S. Navy "superiority" over similar weapons in the Soviet Union.

THESE TARGETS could be knocked out by 1.500-mile missiles from the Barents Sea:

- 1) Russia's nerve center in Moscow*
- 2) Industrial complex around Leningrad*

3) *Steel plants at Magnitogorsk*

4) *Atomic-weapons plants behind the Urals*

5) *Submarine base at Murmansk*

THESE TARGTS could be knocked out by 1.500-mile missiles from off Siberia:

1) *Big air bases at the tip of Siberia*

2) *Heavy-weapons factories near Lake Baikal*

3) *Air bases in North Central Russia*

4) *Naval bases in Kamchatka Peninsula*

5) *Strategic metal industry around Norilsk*

22 сентября. Понедельник.

Летом. Уинстон Черчилль, проводящий свой отдых на Ривьере в Сар d'Ail, не знает, что стал источником заработков для окрестных владельцев прогулочных судов. Эти владельцы берут с туристов свыше 3 фунтов стерлингов за показ резиденции бывшего британского премьера. Когда Черчилль отдыхает на балконе с неразлучной сигарой, гиды требуют от пассажиров специальной доплаты.

Неделю назад, в понедельник 15 сентября, около 9.30 утра в Париже алжирцы совершили покушение на министра информации Жака Сустеля, бывшего губернатора Алжира. Это было на площади Звезды около Триумфальной арки. Осыпанный выстрелами из револьвера в своем автомобиле, чёрном «Ситроэне» нового типа (так называемый DS-19) министр Сустель избежал смерти, бросившись на пол автомобиля.

Началась погоня на покушавшегося, которого прикрывали его товарищи, стреляя из автоматического оружия. Покушавшийся скрылся в ближайшем метро, где, ранив несколько человек, пытавшихся его задержать, был схвачен.

Тем временем министр Сустель вышел из автомобиля. Легко раненый осколками стекла из простреленной рамы, он осматривается. Внезапно появляется другой алжирец и достаёт из-под габардинового плаща пистолет-пулемет. Несколько очередей. Сустель бросается на землю, снова избегая смерти. Покушавшийся тяжело ранен и схвачен. В субботу и воскресенье алжирцы совершили в Париже, Ионвилле и Метце ряд покушений на военных и полицейских: 1 убит, 6 раненых.

Министерство внутренних дел объявило в специальном коммюнике об заострении репрессий. По этому поводу коммюнике выдвигает обвинения против коммунистов и газет «Юманите» и «Либерасьон».

Покушение на Сустеля произвело громовое впечатление, а через несколько часов после него из Марселя пришли сообщения о взрыве бомбы, подложенной в здании префектуры. Взрыв причинил серьёзное повреждение здания и вызвал пожар.

Смелое покушение на Сустеля в Париже на площади Этуаль организовал специальный отдел алжирского FLN (Фронт Национального Освобождения). Покушение не удалось, но французские власти впали в некоторую панику. Ряд новых мер вошёл или войдёт вскоре

в жизнь: говорится о превентивном аресте 12.000 «подозрительных» алжирцев, о переводе из Западной Германии шести расположенных там французских соединений для охраны объектов государственной важности в самой Франции, о призывании под ружьё 15.000 резервистов жандармерии и т.д.

Не проходит дня, чтобы пресса не сообщила о новых покушениях FLN. Бомба в марсельской префектуре, другая — на заводе Ля Курнёв, уничтожение избирательных карт в Аннеси, удачные покушения на полицейских, которые кружат по городу вооружённые, часто автоматами — можно говорить о настоящей волне террора.

Большинство французских газет осуждает покушения FLN. Эта акция алжирского освободительного движения возбуждает серьёзное беспокойство общественного мнения. Пытаясь использовать это беспокойство, на другой день после покушения на Сустеля коммюнике министерства внутренних дел обвинило две левые газеты — «Либерасьон» и «Юманите» в соучастии с покушающимися. За 10 дней до референдума такое обвинение играет политическую роль, что подчеркивают обе газеты в полных возмущения передовых статьях. Речь идёт о том, чтобы выставить коммунистов в глазах общества «дурными французами» и соучастниками преступников.

Однако это не удержит левых от самой активной кампании против новой конституции. Против неё недавно высказались главные политические партии Гвинеи, Нигерии и Сомали (Мадагаскар и Сенегал придерживаются мнения, что стоит проголосовать за, чтобы достичь независимости).

В самой Франции громкое «нет» относительно конституции провозгласил Союз Учителей, что сильно взнервировало такой обычно уравновешенный правый орган, как газета «Фигаро». Кроме коммунистов острую борьбу против новой конституции ведет вновь возникшая социалистическая партия, сегодня ещё слабая, но в дальнейшем, может быть, имеющая обновить социалдемократическое движение во Франции.

Многие французы хотели голосовать за де Голля, надеясь, что их «да» поможет ему закончить войну в Алжире. Такую мысль внушал на недавнем конгрессе своей партии Ги Молле, секретарь SFIO. Но 15 сент. в Алжире, выступая с речью в одном из городов Алжира, убеждённый голлист Жорж Бидо заявил: «Говорят, что голосовать да — значит голосовать за переговоры. Но по сути дела это значит как раз нечто противоположное».

Министр внутренних дел Пеллетье заявил на пресс-конференции, что в референдуме будет участвовать около 44 млн. человек: 26,5 млн. в метрополии, 4.222.890 в Алжире, 13 млн. — в заморских территориях.

Террор алжирцев во Франции. В Марселе взорвали танк, который должен был быть направлен в Алжир. Пытались взорвать газовую централь в Ля Курнёв около Парижа. Напряжение растёт. Усиленные полицейские патрули циркулируют по Парижу. В Министерстве внутренних дел идут лихорадочные совещания.

28 сентября. Воскресенье.

Сегодня референдум во Франции. В Алжире его уже провели. В Каире образовалось временное правительство Алжира. В Париже громят коммунистов. Всё ясно.

Давно уже я хотел записать в своих тетрадях несколько слов о Женьке Тарееве. Евгений Тареев родился в 1931 году в Симферополе, живет и работает в Уфе, рабочий, 400 рублей в месяц. Вечно небритый, в неприличной кепчонке, плаще, грязных резиновых сапогах. Если снять плащ, то взору предстанет пиджак — не просто мятый, а на котором все вмятины слежались. На рубашке не хватает пуговиц, и видна красная грудь. А глаза у него голубые. Если Женька не сопьётся, он станет настоящим поэтом. У нас в редакции его называют «Мартинум Иденум», т.к. в числе его бесчисленных профессий была работа матросом на пароходе «Муса Джамиль» Бельского речного пароходства. Женька говорил мне, что стоит ему замешаться в толпу, как люди начинают отодвигаться и придерживать карманы.

Женька пишет так:

Ну, красива, волосы волнисты,
И косынка яркая у плеч. . .
Отчего желают гармонисты
Перебором страсть её разжечь?

Ах, дурные парни, в самом деле!
Хоть в дугу гармонь свою согни,
У неё давно уже истлели
Этой страсти первые огни.

И она какая-то пустая,
Красотой меня не удивить.
Я её без песен обнимаю,
Чтобы время как-нибудь убить.

Гармонисты, парни разудалые,
Как посмотришь — на подбор орлы. . .
У неё уж слишком губы алые,
Да и руки очень уж белы.

У Женьки много лишнего, талант его неотшлифован, но чрезвычайно ярки его стихи, огромное воображение, большая изобразительная сила. Сам он говорит, что ищет третий путь между Есениным и Маяковским. Он очень драматичен, всё у него кипит и бурлит.

Вот отрывок из его поэмы:

Снег. Снег. Снег.
Не снег, а сирень осыпается.
А люди идут, завёрнутые в мех,
И мне улыбаются.
Жду. Всё нет и нет.

Придёт, я уверен в этом.
Есть в ожиданье любимой секрет,
В котором раскаянья нету.
... Ночь. Дежурный трамвай, как в бреду,
Мечется и затихает.
К ней,
в дом,
иду.
Бегу. Тревога одолевает.
Случилось что-то! В ветер вдогон
Стонет, как в зной, горячий.
Может быть, этот стон
В жизни что-нибудь значит?
Ветер, зачем ты такой?
Молчишь, рассыпая слёзы.
И словно кричат, тряся головой,
Избитые ветром берёзы.
Вхожу. Быстро одёрнула блузку.
Улыбкой сломаны губы.
Глаза оторвав от жирной закуски,
Мужчина спросил вызывающе грубо:
— Кто это?
— Это? Знакомый.
— Знакомый? — усмехнулся. — Не муж?
Кажется мне, он ошибся домом,
И видно, что пьяный к тому ж. —
Она отвернулась, пожав плечом.
Причёска распалась. Кудри размякли.
Бутылки пустые и под сургучом,
А ласки и силы, наверно, иссякли.
Я вышел, как выдавленный нарыв.
В глазах от боли рябило.
Когда? Почему? С какой поры
Сердце тебя полюбило?
«Парень, вернись! Докажи! Убей!» —
Смеётся ветер или серьёзно?
Я помню, как еле дошёл к себе,
На миг задержавшись у паровоза.

Сегодня один. Завтра другой.
А послезавтра притащится третий.
И каждому говоришь ты: «Мой дорогой!
Ты один у меня на свете!»
Им всё равно, прожжённым гулякам,
Ты ли, другая...
А мне то, мне!
Из-за тебя вступать с ними в драку,
Чтобы не быть от тебя в стороне?
Где же любовь? В фасоне перчаток
Или в изгибе крылатой брови?
Где любовь? Где её зачаток?
В словах, в манерах, в кипенье крови?
И если не дождусь от тебя ответа,
Пойду на всё, решая вопрос.
Может быть, знают любви секреты
Тупые лезвия чугунных колёс...

У Женьки есть ошибки, есть слабости, порою вкус ему изменяет, но всё искупается великолепной верой в себя, той знаменитой уверенностью в ценности создаваемого, о которой говорил Толстой, которой были в высшей степени наделены Шекспир и Достоевский и которая в конечном счёте решает успех творчества. Эта уверенность прямо пропорциональна силе впечатлений и переживаний художника. Женька пережил многое в своей бродячей жизни. Сын многодетной семьи, шарлатан, люмпен-пролетарий, пропойца, он испытал в тысячу раз больше меня, доморощенного интеллигентненького поэта. Оттого-то и тянет меня на завод, в Магадан, Норильск, на Ангару! Я когда-нибудь выключу свою зелёную лампу и уйду из дома в кирзовых сапогах.

И опять Тареев (из поэмы):

Уехать, как уезжают в романах,
когда влюблённому некуда деться.
Ты думал, писатель тебя обманет,
Ты думал, у тебя другое сердце?
Нет, у влюблённых сердце одно,
Одинаково бьётся в сердце счастье и в скуке.
Ты думал, влюблённые только в кино
Бросаются с моста в разлуке?
Последний бродяга любит, как гений,
И гений любит, как тот же бродяга.
Храбрый пред ней упадёт на колени

И трус загорится отвагой.
Может быть, тот, что грустит в беде,
Кто слёзы в беде глотал,
Никогда, ни разу, нигде
Силу любви не испытал.
Может быть, тот кто боится тревог,
Другим в обращении всюду грубя,
Любовь никогда не пускал на порог,
Прежде влюбившись в себя.
Я знаю, любовь очищает грязь,
Ту, что в душе нарастёт,
И если поднимет любовь — не упасть,
Всю жизнь будет памятен взлёт.
Я знаю, к виску приставляют наганы,
Я знаю, на шею бросают петлю,
Я знаю, что этого делать не стану,
Если впервые люблю.

А стихотворенье об отце Тареев кончает так:

Не в бою с врагами, не на стройке,
Не в борьбе с бедою, не в дыму —
Ты скончался на больничной койке
В самом-самом солнечном Крыму.
Это вздор! Конец придумал кто-то.
Никакого не было конца.
Жизнь кипит крутым водоворотом,
Я живу — похожий на отца.

Сильно! Талантлив Женька Тареев. Сам не понимает, что должен делать. А впрочем, может быть, колотушки судьбы как раз и спасают его от гниения и застоя, в котором очутился я? Мне ведь просто не о чем писать: всё посредственно-благополучно, ни любви, ни радости, ни горя. Ни больших врагов, ни настоящих друзей. Надо бы далеко уехать или бросить писать года на два.

4 октября. Суббота.

Во Франции 79 % проголосовали за новую конституцию — т.е. за де Голля, 21 % против. В Алжире из всех участников референдума 96 % проголосовали за! Кто-то писал, кажется, одна шведская газета, что это напоминает голосование в Бухенвальде или в каком-то другом концлагере, когда за Гитлера проголосовали 98 %. Тоже был плебисцит.

В Африке тоже голосовали «за». Но соседка Ганы — французская Гвинея — проголосовала против и провозгласила независимую республику. Мы уже признали её.

Карта Африки становится всё интереснее. Либерия, Гана, Гвинея, Судан, Египет, Марокко, Тунис — независимые государства. Из них уже три «чёрных». Кения истерзана, но ещё жива. Да, ещё я забыл Абиссинскую империю. Соединённое королевство Ливия — одна вывеска, на деле колония. В Ливии и в Сахаре ищут нефть. В Конго добывают уран. Кстати, Конго перестает быть оазисом покоя. Ещё лет сорок, и почти вся Африка станет формально независимой, это уж как пить дать.

7 октября. Вторник.

Хвалили мою статейку в субботнем номере «Ленинца». Название хорошее — «Базарная академия художеств».

21 октября. Вторник.

Работаю. Ничего нового. Напечатал рецензию на фильм Хейфица «Дорогой мой человек». Сегодня слегка поругали на партсобрании. До партсобрания в Доме партпросвещения на улице Ленина состоялась встреча с тремя гостями — иностранными журналистами: двое мужчин и одна [...]

... для публики, первым делом задали Алексею Суркову (председателю) вопрос: «Где Пастернак?»

Но пока суд да дело, в газетах наших лишь сдержанно поругивали старика, а о романе молчали. В основном крыли его стихи из тетради доктора Живаго. Эти стихи частично публиковались в журналах. В эти стихи входят виды природы, евангельский цикл и «Душа».

И вдруг разорвалась бомба: «Доктор Живаго» получил Нобелевскую премию! Второй случай в истории: первый из русских Нобелевскую премию по литературе получил в 1933 г. русский белоэмигрант Иван Бунин.

Антисоветский роман Пастернака получил Нобелевскую премию. Видимо, она была присуждена ему из политических соображений. Раздался крик возмущения. Давид Заславский, ветеран советской журналистики, который ещё в 1918 г. в меньшевистской газете «День» вместе с Максимом Горьким выступал против Ленина, теперь в «Правде» назвал Пастернака Иудой-предателем.

Пастернак — внутренний эмигрант. Пастернак клеветает на революцию. Пастернак — лицемер и предатель, замаскировавшийся буржуа. Его поэмы «1905-й год» и «Лейтенант Шмидт» были притворством, Пастернак теперь сбросил маску, он врал. Таков тон статьи Заславского. «Доктор Живаго» — пасквиль на революцию. Если бы Пастернак был честным человеком, он бы отказался от Нобелевской премии, говорит Заславский.

Ещё недавно Пастернак говорил писателям, что книга была опубликована помимо его воли, что в ней сделаны изменения, что он будет протестовать, что он уже написал письмо об отказе от Нобелевской премии и чуть было не послал его. Но это — устные сведения,

а официально Пастернак получил Нобелевскую премию и исключён из Союза советских писателей.

Наша литературная жизнь всё гуще перемежается скандалами и разочарованиями.

Ещё не всё. Что Пастернак — его не любят, почти не знают! Он не вполне наш, не из русских, никогда не производил впечатление советского.

Но вот Михаил Шолохов. Он наконец окончил вторую книгу «Поднятой целины». Действие доведено до 1937 года. В финале романа Давыдов арестован, Размётнов сошёл с ума, а Нагульнов застрелился. Книгу Шолохова в журнале приняли с полной растерянностью. Он, конечно, Шолохов, но нельзя же! И вот судьбу романа решает высшая цензура страны — комиссия ЦК партии!

14 ноября. Пастернаковский кризис миновал. Два его письма (первое — на имя Хрущёва), в которых он, сохраняя величественную позу, отказался от Нобелевской премии, несколько разрядили грозную атмосферу.

Праздник ноября я провёл сравнительно неплохо. Но вообще личной жизни у меня нет. Нет никакой женщины, нет любви. Работа начала поглощать целиком. Не о чем писать в дневник.

Нельзя же считать личной жизнью только прочитанные книги, изредка винные бутылки, игру в карты у Шушки Охотникова да ненапечатанные рассказы, которые занимают лучшие часы мои досуга?

Нет у меня молодости. Нет любви. А любить хотелось бы. Но ранняя развращённость воображения, снисходительное презрение к уму и способностям женщины, всепоглощающие литературные увлечения сделали меня неспособным влюбиться, ставить женщину выше себя.

Нравилась Галя Киселёва — но это быстро прошло. И сейчас нравится, хорошо бы наставить Юрке рога, но любовь? Нет, это что-то другое, как говорил Жак Тибо.

В 16 лет я влюбился в Эльвиру, но после этого начал писать — стихи, повести, рассказы. . . На этом с любовью было покончено. Сильная страсть, в полном соответствии с теориями Зигмунда Фрейда, вылилась в писательство: к этой болезни я был предрасположен с детских лет.

Сегодня мне кажется, что быть сочинителем и быть влюблённым — несовместимые состояния.

Мне бы только найти добрую бабу с хорошей грудью, чистоплотную, молчаливую, одинокую. И всё.

Хочется закрыть дневник и не открывать до нового года. Addio, mio caro! Addio! Настало время отвлечься от самого себя.

12 декабря. Пятница.

Работаю. Трудно. Редактор Рамиль Дашкин — грубый, некультурный человек, крикун, глупый хитрец. Рамиль Хакимов, благодаря которому я попал в «Ленинец», постепенно

подлеет. Много нервов уходит на редакторат. Несколько «горячих бань» подряд привели к тому, что, когда Дашкин стоит возле меня, я чувствую в себе пробуждение зверя.

В Москве идёт первый учредительный съезд писателей Российской Федерации. Председатель Оргкомитета Леонид Соболев прочёл доклад «Литература и наша современность». Там у него встречается и кое-что дельное, когда он говорит о мастерстве.

1) Чрезмерное пристрастие наших писателей к диалогам. В книгах последних лет литературные персонажи слишком много говорят. Разговоры эти не двигают действия, не разъясняют характера, не раскрывают мыслей. Диалог сбивается на бытовой разговор или напыщенную декламацию, а иногда и на доклад. Горький советовал: «Нужно заставить героев как можно больше делать и меньше говорить».

2) «Этому общему нашему греху близок другой — неумение рассказывать лаконично». «Капитанская дочка» Пушкина — менее 5 авторских листов. «Медный всадник» уложился в 465 строк. Впрочем, лаконизм — не количественное, а качественное понятие. «Анна Каренина» — роман не краткий, но лаконичный. Лаконизм — дитя отбора. «Утомительный грех натурализма заключается именно во всеобщем описательстве». Многословие, описательство без выводов, наблюдение без итогового образа, эрудиция без отбора. . .

3) Наша проза плохо владеет искусством внутреннего монолога героя. Выгодная и ёмкая форма — авторские раздумия, авторские отступления. Злоупотреблять ими не следует, но прибегать к этой форме общения с читателем полезно.

4) Необходимо сохранять признаки места и времени.

5) Юмор — это нужно и для самой серьёзной книги.

6) Наша нынешняя форма романа устарела. Без любви в романе не обойтись, но нельзя ли поискать в ней какие-то новые черты? Нужно найти в любви драгоценные черты нового сознания. Тогда исчезнет парфюмерный запах будуара, который то и дело пробивается из прошлого в наши романы.

Выражение отношения к труду также требует новой формы романа.

13 декабря. Суббота.

Политические события последнего времени. Выборы во Франции, голлистское большинство в парламенте.

Выступление Советского Союза — берлинский вопрос. Kurfurstendamme — горящая новыми огнями главная улица Западного Берлина — усеяна центрами шпионской и подрывной деятельности. Хрущёв заявил от имени 200.000.000, что мы больше не можем этого терпеть. Вывести из Берлина все оккупационные войска и превратить его в вольный город. Даём шесть месяцев на размышление. Если наши партнёры не пойдут на соглашение, то мы примем меры.

Запад отказался наотрез. Заговорили о силе. У нас появились мнения, что через шесть месяцев будет война. По улицам Уфы потянулись нестройные колонны парней в сапогах и телогрейках. Новый набор в армию.

В Западном Берлине паника. На аэродроме Темпельхоф оживление. Билеты на самолёты, отлетающие в Западную Германию, распроданы на много дней вперёд. «Никаких причин для паники!» — заявляет бургомистр Западного Берлина Вилли Брандт. Но западноберлинские фирмы подготавливают перевод своего оборудования и машин в Западную Германию, аннулируют свои заказы. Чеки, выданные Западноберлинским банком, не погашаются. Огромные плакаты клеветают на Советский Союз и на Социалистическую единую партию Германии.

Немцы по всей Германии приветствуют готовность Советского правительства к переговорам.

Сильные снегопады. В районах Башкирии бездорожье. В одну из снежных дней 30 % ежедневной выпечки хлеба не дошли до магазинов: машины застревают в снегу. Ряд нефтепромыслов прекратил работу из-за заносов.

На Западе «анимплойдмент», безработица. Рост товарных излишков. В орбиту рецессии втягивается Западная Европа.

У нас приближается XXI съезд партии. 1959 год будет первым годом семилетки. Появилось новое слово: «Бригады коммунистического труда». Положение Хрущёва совершенно стабильно. Бури 1956-го года совершенно утихли. Жизнь стала нормальной. Конечно, лучше, чем при Сталине, гораздо лучше, но не так уж замечательно, как мы ожидали в начале пятьдесят шестого года. Внутренние процессы развития общества протекают по тем же руслам. Ничто не изменилось. Идёт накопление количественных изменений.